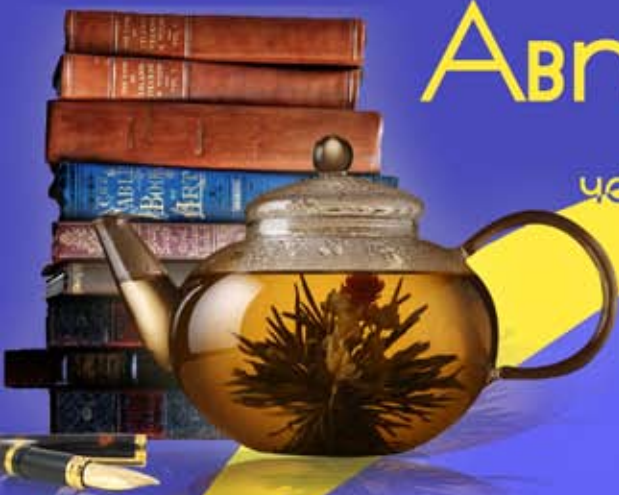

Авторский стиль

чаепитие с литературным гидом

Марина Кудимова:

“Литературка” стояла у истоков критики

Павел Корнев:

Критика? – Не боюсь!

Мнение:

Хитрость превыше гордости,
а автор – пун земли

тема номера:

**Критика в
молодом организме**

Содержание:

ДИАЛОГ

«Литературная газета»

о критике в современности 8

Павел Корнев

о роли критики в жизни писателя 12

ОБЗОР

Критику в блокнот

издаем критику и публицистику 16

Критики критикам о критиках

критики в истории литературы 18

Канзас-Сити

центральная публичная библиотека 22

МНЕНИЕ

От истоков к «апофеозу» современности

что стало с критикой за три века? 24

Хитрость превыше гордости

как узнать правду в критике? 29

Между нами критиками

или разговор по душам о наболелом 32

ПРОЗА & ПОЭЗИЯ

Избранные стихи

Сергей Гора 36

Парадокс редакторствует

А. Сумарокова 40

Колодец звезд

А. Тэмлейн 42

ПЛЮС+

Новости 4

Событие 5

Конкурсы 6

Специальное предложение от Союза писателей . . . 7

Марина Цветаева: Поэты и критики 44

«Авторский стиль»,

март 2012 г.

Учредитель: Портал для
начинающих писателей

«Для добрых и тёплых :)»

Журнал выходит с периодичностью 9 выпусков в год. Архив журнала «Авторский стиль» находится в общем доступе на сайте www.adrielhanna.ucoz.ru. По вопросам подписки на журнал, пожеланий и предложений, сотрудничества, рекламы и предоставления материалов связывайтесь с нами по адресу autorstyle@gmail.com. С особенностями рассмотрения рукописей для публикации вы можете ознакомиться на сайте www.adrielhanna.ucoz.ru

Редколлегия подтверждает авторские права на опубликованные тексты. Использование материалов и идей журнала без разрешения редакции и указания источника запрещено. Перепечатка разрешается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных материалах, а также не является гарантом безопасности предоставленных ссылок на сторонние ресурсы.

Главный редактор журнала
Авторский стиль,
Адриэл Ханна

Главный редактор:

Адриэл ХАННА
adrielhanna@gmail.com

Редакция:

Анна СУМАРОКОВА
Александр ЛУНКРАЙ
Татьяна ЗИНГЕР
Евгений СТРОКАНЬ

Литературный редактор:

Сергей ДЕГТЯРЕВ

Авторы выпуска:

Саша ТЭМЛЕЙН
Анна СУМАРОКОВА
Сергей ГОРА

Дизайн:

Адриэл ХАННА

Верстка:

Александр ЛУНКРАЙ

PR, реклама:

Елена БАБИЧ

Контакты редакции:

autorstyle@gmail.com
www.adrielhanna.ucoz.ru
www.vk.com/autorstyle

Литературная критика в России — явление самобытное и уникальное. Ни одна другая литература не может похвастаться таким количеством критиков и критических работ, и в этой связи — самым феноменом влияния критики на общенародную культуру. У нас же описание литературы XVIII–XX веков не будет полным и всеобъемлющим без имен Белинского и Добролюбова, шестидесятников, критических трудов Гоголя, Пушкина, Бестужева...

Критика этого времени занимала одно из главных, а порой и главное место в журналах, являлась своеобразным вершителем судьбы литературы, отражала не только художественность произведения, но и социальные, политические, моральные проблемы общества.

Не секрет, что на сегодняшний день масштабы влияния критики невероятно уменьшились, а с какой-то стороны и вовсе ушли с книжной арены, засилье массовой литературы сводит на нет практически любые попытки проанализировать современный литературный фон. И само понятие критики в век интернета и общения сводится к мнению о художественном воплощении, языковом мастерстве писателя и только.

Почему так происходит — вопрос, застигающий врасплох любого, начиная от новичков-писателей, заканчивая литературоведами со стажем. Тем не менее, мы скрупулезно собирали полезные и интересные материалы, старались привлечь внимание на художественную прозу и поэзию, что так или иначе отражают литературно-критический процесс современности. А также поговорили о критике с молодым писателем Павлом Корневым и представителем «Литературной газеты», — той самой, которая стояла у истоков критической литературы России.

Новости

О том, кто победил Гарри Поттера, что уникального в новом издании об истории русской литературной критики, как писалась биография Пелевина и куда катится литература для детей — в наших новостях.

«Гарри Поттер» больше не «круче всех» — к такому выводу привели организаторы премии Blue Peter Book Award дети.

Книжная премия Blue Peter Book Award учреждена детской телепрограммой Blue Peter, выходящей на канале BBC, и вручается с 2000 года. В этом году ее присуждали за лучшую детскую книгу последнего десятилетия. Предполагалось, что выиграет Роулинг, и все к тому шло — в самом начале голосования «Гарри Поттер и Орден Феникса» упрямо держал позиции лидера. Однако, неожиданно для всех, и в первую очередь для организаторов премии, награда досталась не британскому мальчику-чародею, а американскому мальчику-неудачнику Грегу Хеффли.

Серия книг «Дневник слабака» повествует о приключениях помешанного на компьютерных играх школьника, который постоянно попадает в неприятности. Автор серии признал, что ошеломлен победой книги и благодарен всем 15 тысячам проголосовавших фанатов.

Известный филолог и историк искусства, профессор Шеффилдского университета Евгений Добренко представил вышедшую недавно в издательстве «Новое литературное обозрение» книгу «История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи». Книгу он готовил совместно с профессором университета Манчестера, филологом и культурологом Галином Тихановым.

Издание является первой попыткой создания всеобъемлющей истории русской литературной критики и теории начиная с 1917 года вплоть до постсоветского периода. Ее авторы — коллектив ведущих отечественных и зарубежных историков русской литературы. В книге впервые рассматриваются все основные теории и направления в советской, эмигрантской и постсоветской критике в их взаимосвязях. Рассматривая динамику литературной критики и теории в трех основных сферах — политической, интеллектуальной и институциональной — авторы сосредоточивают внимание на развитии и структуре русской литературной критики, ее изменяющихся функциях и дискурсе.

Мифического Пелевина высосали из пальца, написав первую биографию автора, которому в ноябре

исполнится 50 лет.

Авторами биографии стали критик Сергей Полотовский и журналист Роман Козак. Они попытались подсчитать доходы писателя, раскрыть завуалированное и скрытое, но большинство текста — художественное высасывание из пальца биографии. Недостаток информации стал основной причиной написания столь размытого опуса: в книге нет ни единого нового факта, все, что известно о писателе широкой публике, просто литературно обыгрывается в издании, названном «Пелевин и поколение пустоты».

На протяжении всего творческого пути Пелевин избегал публичных мероприятий, не распространял информацию о себе, являя читателю только изданные произведения. Впрочем, составители первой биографии писателя утверждают, что проделали большой труд: они встречались с близкими людьми Виктора Пелевина, особами приближенными, учителями, друзьями. По их словам основной балласт книги составили все новые факты, которые несомненно станут интересными для фанатов.

Правительство не станет заинтересовывать детей чтением. К такому выводу пришли участники круглого стола в Москве, посвященного новой детской литературе.

В начале марта писатели, издатели и аналитики обсудили вопрос литературной заинтересованности детей современного общества. Генеральный директор издательства «Росмэн» Борис Кузнецов отметил, что, согласно данным исследователей отечественного книжного рынка, привычка читать детям дома есть всего у 7% родителей, а в советское время этот показатель достигал 70%. По мнению креативного продюсера компании Walt Disney Владимира Грамматикова школьники любят книги в тех семьях, в которых их читают. А современный ребенок хочет больше информации, но и нуждается в новых форматах.

По словам писателя Андрея Усачева, детских авторов в России всегда было мало, но ситуацию могло бы исправить включение детской литературы в киноиндустрию. Но русский писатель от этого отстранен. Также Усачев добавил, что на данном этапе общество приходит к тому, что детей нужно просто заинтересовать чтением, и не важно, на каком информационном носителе будут находиться тексты. Писатель рассказал о том, как англичане послали книги в тюрьмы с тем, чтоб заключенные читали аудиокниги. Как результат — дети с удовольствием слушали голоса родных.

С Днём Рождения!

Ровно год прошел с первого сообщения на сайте Для добрых и тёплых :) — а мы уже стали хвастливыми и можем гордиться успехами: высокой активностью, проведенными конкурсами, в том числе и с денежным вознаграждением, сайтовым журналом и, самое главное, дружной и доброй компанией.

Adalin:

«Помог ли сайт в развитии творчества?!» Однозначно и без сомнений — помог! Хотя само слово «помог» еще не способно выразить — насколько.

Вообще творчеством я увлеклась всего чуть больше года назад, и буквально через пару месяцев попала на сайт. Если бы не он, то я уже давно бросила бы все это свое увлечение. А теперь же это не просто увлечение — а цель, к которой я иду и идти буду.

Если по секрету, то мою школьную учительницу русского языка и литературы, узнав о том, что я пишу и читаю —

хватил бы удар. Всю жизнь я с натяжкой тройки получала по этим предметам — вот не интересно было и все тут. Зато теперь в них не полный чайник, а уже заварничек!))

Но, пожалуй, самая большая ценность сайта — это коллектив. Не зря он называется «Для добрых и теплых :)» — оно действительно так, реклама не врет, проверенно опытом! Здесь, на самом деле, такие добрые и светлые люди, к которым всегда можно обратиться за помощью, и которые не откажут. Никогда раньше не задумывалась о том, насколько важно найти единомышленников, оказалось, очень важно. А тут их — море! Все пишут, всем это нравится, и все поддержат.

Пока что еще сложно сказать выйдет ли из меня толк, в качестве полноценного писателя, но уже за то, чему я здесь научилась, что знаю и умею — я безмерно благодарна.

Так что, дорогие форумчане, хочу вам пожелать в первую очередь: никогда не бросайте своей цели, если она есть, то, какой сложной бы она ни казалась, идите к ней: через упорный долгий постоянный труд вы обязательно добьетесь желаемого.

Serg:

Я поздравляю с днём рождения администрацию сайта и всех, на ком он держится. Вы молодцы, этот сайт огромная удача для молодых писателей, я думаю, каждый найдёт поддержку и помощь в творчестве. Что же касается меня, для меня главное на вашем сайте это тёплая и добрая обстановка дружбы и взаимопомощи. На мой взгляд дружба — это самое главное, то, что связывает людей в единый сплочённый коллектив, и в этом заключается ключ развития общества. И в этот день, день рождения сайта я желаю всем форумчанам найти и раскрыть своё творчество и радовать всех своим искусством.

Delia:

Однажды, один добрый и тёплый человек спросил меня: Почему ты сюда возвращаешься? Мой ответ на первый взгляд прост: Тянет! Но таится в нем огромный смысл. Тянет, потому что здесь часть моей души, то, что я чувствую, то, чем хочу заниматься. Здесь люди, с которыми я могу общаться, делиться накопившимся опытом, идеями, мыслями и даже чувствами.

Здесь мои братья и сестры по оружию, с которыми никогда не скучно. Сайт для начинающих писателей жи-

вет, живет той жизнью, без которой становится скучно.

Ведь все мы здесь делаем то, что нам нравится, чем мы живем и возможно! зарабатываем на жизнь)))

Поэтому в эти прекрасные весенние деньки, я бы хотела пожелать всем не менее прекрасным, добрым и тёплым форумчанам, друзьям, счастья, здоровья, успехов в личной жизни. Музы огромное количество и желания, желания творить свое творчество, которое вносит много красок в нашу дружную атмосферу)))

И конечно же С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ДОРОГОЙ САЙТ!!!)) СПАСИБО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ, СПАСИБО, ЧТО СОЕДИНИЛ НАС И ДАРУЕШЬ НАМ ТЕПЛО ДУШИ)))

Into_The_Sun:

Сайтом я очень довольна. Админами еще больше)) Не часто встречаются добрые и отзывчивые. Часто — злые и не уважающие пользователей (ох, много раз на такие сайты попадала)). Желаю всем избавиться от лени, и побольше вдохновения от простых вещей. Это — самое главное для писателя)) Никогда не бросать начатое, доводить до конца. И, конечно, — с успехом издаться без лишних препятствий!)

Конкурсы

Конкурс литературных статей и рецензий «Фанткритик-2012» и конкурс рецензий на роман Рея Брэдбери, а также конкурсы короткого рассказа и поэзии с приятными призами и денежными вознаграждениями.

Конкурс рецензий и лит.-критических статей Фанткритик-2012 принимает работы до 15 апреля.

К участию принимается ранее не опубликованная критика фантастики (для рецензий – фантастика только 2011-2012 гг.). Тексты высылаются вложенными файлами *.doc. на адрес piterbookplus@yandex.ru с указанием в теме письма «Конкурс «Фанткритик». От одного участника принимается не более трех текстов. Если работа подается под псевдонимом, обязательным условием при победе является раскрытие псевдонима.

Призовой фонд премии составит 40 тыс.руб. В номинации «Рецензии» 1-е место — 12 000 руб., 2-е место — 7 000 руб., 3-е место — 5 000 руб.; в номинации «Литературно-критическая статья» присуждается только одно призовое место — 12 000 руб. Поощрительный приз — 4 000 руб. Подведение итогов 9 мая 2012.

[Подробнее](#)

На конкурс «Счастливый день» принимаются работы до 15 мая 2012.

Участник может подать поэзию до 32 строк или прозу до 3500 знаков без пробелов, посвященные самому счастливому дню жизни автора или героя. Для участия необходимо опубликовать произведение на сайте www.samsud.ru, указав при регистрации свои ФИО и контакты. Редакция оставляет за собой право составить и опубликовать сборник по окончании конкурса.

Организаторами учреждены три премии: 30 тысяч рублей победителю, 20 и 10 тысяч рублей — призерам (призы облагаются подоходным налогом). Кроме того предполагается 10 поощрительных призов.

[Подробнее](#)

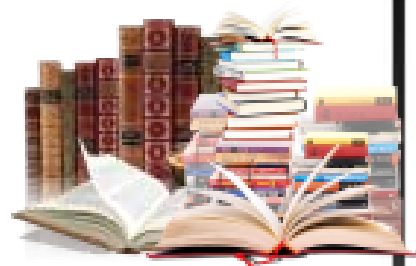

Конкурс рецензии на роман Рея Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» проводит портал «Книгозавр».

Принимаются тексты объемом до 20 тыс. знаков. От каждого автора может быть подано не более 2-х работ. Прием работ до 8 июня 2012 г. на адрес knigozavr@yandex.ru или knigozavr@mail.ru. Формат рецензии любой — от эпической поэмы до художественного эссе. Все присланные работы публикуются в ЖЖ редактора и сообщества организаторов. Учреждены призовые места и поощрения. Первый приз — электронная книга. Второй приз — веб-камера или равный по цене гаджет.

Третий приз — флеш-накопитель большого объема для хранения собственных нетленок.

[Подробнее](#)

Конкурс короткого рассказа (до 4 тыс. знаков) «Сестра таланта» объявляет сетевой журнал «Лицей».

Ограничений по возрасту и месту проживания нет. Прошедшие предварительный отбор рассказы будут выкладываться на сайте журнала. Победителей конкурса определит профессиональное жюри, исходя из выразительности языка и создания художественного образа (когда автор не равен герою). Рассказы (по одному от автора) принимаются на адрес licey1991@gmail.com до 25 мая 2012 года. Не забудьте приложить краткую информацию о себе и контактный адрес. Имена победителей будут объявлены 6 июня. Организаторы предлагают три призовых места и премии: за 1 место — 5 тыс. рублей, за 2-е — 3 тыс. рублей, за 3-е — 2 тыс. рублей. Будут присуждены также специальные призы.

[Подробнее](#)

«Союзники» — счастье в творчестве!

Павел Панов, член правления Российского Межрегионального Союза писателей, член-корреспондент АРСИИ (Академии русской словесности и изящных искусств). Награжден академическими наградами.

Русская литература всегда была сильна преемственностью. Классическая цепочка: Державин, «в гроб сходя», благословил Пушкина, Пушкин подарил Гоголю идею «Мертвых душ», Гоголь много чего нащептал Булгакову, и так далее... Этих связей было больше, чем в кристаллической решетке алмаза, поэтому и сверкала наша литература всему миру драгоценным блеском.

В советские времена государство финансово поддерживало литературные журналы, по стране работала сеть литера-

турных объединений (ЛИТО), лучшие «литошники» «обкатывались» на различных совещаниях, у них появлялись первые публикации, книги — все та же преемственность работала, только в советском формате.

А потом мы все вступили в так называемый рынок. Тиражи современных всероссийских литературных журналов упали ниже тиражей старых советских районных газет, страну быстро отучили читать, а, следовательно, думать и анализировать.

Возможно, кто-то удивится, но при этом в России не перестали писать. Впрочем, чего же здесь удивительного! Для определенной части людей излагать свои мысли и чувства на бумаге так же естественно, как мыслить, дышать, любить. Пишут, и пишут талантливо! Только вот с преемственностью стало хуже — государство этим почти не занимается, а естественный процесс передачи опыта и знаний, практика литературных завещаний, — все это только начинает возрождаться, восстанавливать из пепла, прорастать зелеными побегами через два потерянных поколения.

Как ни странно, молодой русской литературе начал по-

мочь интернет. Вид связи, изобретенный американскими спецслужбами на случай атомной войны с Россией, помогает духовному возрождению России. Это забавно, но так.

Среди множества литературных сайтов, что мне удалось посмотреть, на мой взгляд, самый профессиональный, разнообразный и полезный для молодых авторов — это «Союз писателей». Но самое главное — там проводятся литературные конкурсы «Союзники». Их прошло уже пять, сейчас стартовал шестой конкурс. И каждый раз главным призом конкурса было издание книги стихов победителя. Подчеркну: бесплатное издание. Сейчас даже в легендарном русском издательстве во Франции «Имкапресс» вначале спрашивают: какую часть затрат на тираж готовы оплатить. А в российских издательствах зачастую и не спрашивают — плати все по счету, и мы напечатаем любую твою графоманскую чушь.

А «Союзники» ведут автора к его книге через очень серьезное, профессиональное обсуждение, через строй достойных соперников и будущих друзей. Иногда трудно определить

— что важнее: сама изданная книга или процесс участия в конкурсе. Наверное, это равнозначно для молодого автора, с той только разницей, что книгу получает только победитель, а обсуждение, контакты, эмоции, взгляд со стороны на свои стихи, — это получают все участники конкурса. Система выставления баллов похожа на ту, что используют в Американской Киноакадемии при определении победителей на «Оскара», пока ничего более объективного не придумано.

А потом участники конкурса попадают под заинтересованное внимание фонда «Меценат», а он уже издает книги (и опять бесплатно!) вне зависимости — стал автор первым, или ему не хватило нескольких баллов для победы.

Когда начинался новый русский капитализм, говорили: рынок все сам отрегулирует. Как бы не так! Рынку интересны только деньги, а русской литературе — русская душа. Если русская душа сохранится, останется и сама Россия.

[Подробности конкурса на сайте www.soyuz-pisatelei.ru](http://www.soyuz-pisatelei.ru)

Книги победителей конкурса:

Сегодня критика — это то слово, которое беспокоит каждого писателя, будь он новичком своего дела или уже прославленным мастером. Но, как ни странно, сам феномен литературной критики кардинально меняется, приобретая черты рекламы и маркетинга. Об этом и других аспектах понятия мы поговорили с представителем ведущего аналитико-культурологического издания России.

Марина Кудимова

завотделом литературы и библиографии
«Литературной газеты»

Традиционно — расскажите о том, как образовалась газета.

Газету придумал и основал А. С. Пушкин вместе со своим другом, бароном А. А. Дельвигом более 180 лет назад. По-моему, этим все уже сказано... «Литератур-

ная газета» — это аналитическое культурологическое издание.

Сейчас «Литературная газета» является ведущим литературным изданием не только в России, но и за рубежом. Каким образом

привлекались читатели в других странах?

Бренд ЛГ работает во всем мире. Даже в египетских отелях, если попросить портье принести русскую прессу, он непременно доставит вам «Литературку». Нынешние зарубежные

подписчики — вчерашние граждане СССР и РФ. Привлекать их не было нужды: они, так сказать, увезли любимую газету с собой.

«Литературная газета» — такое название, прежде всего, говорит о

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО.

www.lgz.ru

Выходит по средам

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D - 2,20 €; A - 2,30 €;
B - 2,30 €; PL - 12,10 PLN; L - 2,30 €;
CZ - 75,00 CZK; H - 720 HUF; SP - 2,50 €;
I - 2,50 €; GR - 2,3 €; CYP - 1,35 CYP;
TR - 5 M TL; CH - 3,50 CHF; GB - 1,80
GBP; DK - 20,00 DKK; S - 25,00 SEK;
NOR - 23,00 NOK; E - 15 ESP;
USA - 2,50 \$; C - 2,5 CAD

Международное издание

главенстве литературной тематики, но освещаются и другие темы: политические, общественные. Как получается увязывать все эти направления воедино?

Структура газеты складывалась десятилетиями. Для издания с таким почтенным возрастом характерен известный консерватизм: четкое разделение на две «тетради», отделы и рубрики — на привычном для читателя месте. Так работают все традиционные бумажные издания мира. А «увязывается» все общей политикой газеты и, разумеется, личностью главного редактора.

Принимает ли газета на рассмотрение тексты молодых писателей? Каковы основные критерии принимаемых в печать произведений?

Рукописей — в первую очередь, конечно, поэтических — приходит в день иногда до полусотни, как в электронном, так и в бумажном варианте (мешками). Среди корреспондентов много молодых, начинающих. У нас есть давняя и неизменная рубрика «Литрезерв», где публикуются произведения авторов до 30 лет. География без преувеличения всемирная. Мечтаем в обозримом будущем начать выпуск приложения с таким названием. Критерий для публикации единственный — талант.

Вы, как и большинство других издателей, предупреждаете о том, что рукописи не рецензируются. Неужели критические отзывы не пишутся даже для самых хороших текстов?

Никаких отзывов авторы не получают. В любом периодическом издании мелким шрифтом написано: «рукописи не рецензируются». Иначе, при современных условиях функционирования бумажной прессы, она изменила бы статус и превратилась в глобальную литконсультацию. Кстати, мы подумываем о том, чтобы открыть таковую при редакции ЛГ.

Лучший «отзыв» — это публикация на полосе прозы или поэзии.

...И тогда уж автор получит свою критику, как минимум от читателя. Не секрет, что словосочетание «литературная критика» ранее было очень популярным. Люди, оценивавшие литературу, являлись своеобразным эталоном общественной мысли. Но за последние 20 лет лит. критика существенно изменилась.

Литературная критика сбилась вокруг определенных изданий и премий. С одной стороны это понятно — критикам тоже надо зарабатывать на хлеб. С другой — именно в этом кроется причина потери литкритикой своих позиций. Сфера обслуживания при всей ее важности никогда не будет иметь стратегического значения и не обретет самостоятельного статуса. Общественная — как и просто оригинальная — мысль работает в ином диапазоне и не оглядывается на жюри, экспертные советы и спонсоров.

Выходит, что литература последних лет не ставит перед собой высокоморальных целей? Может, негативная критика подобной литературы «вернет» время назад?

Время имеет лишь один вектор движения — вперед. Или стагнирует, заболачивается и покрывается ряской. Ничего нового в засилии массовой литературы нет, кроме развития маркетинговых технологий, и то перенятого из шоу-бизнеса и индустрии развлечений. Легкого чтения во все време-

на издавалось больше, чем качественной литературы. Критика здесь вообще ни при чем. Она сегодня ни на что не влияет, а, повторюсь, выполняет функцию обслуживания издателей и учредителей премий. Необходима внятная государственная политика книгоиздания и, разумеется, широкий обще-

Марина Кудимова родилась в семье служащих. Окончила Тамбовский педагогический институт в 1973, а уже в 1969 в газете «Комсомольское знамя» появились первые ее работы. С 1988 является членом союза писателей СССР. Стихи Марины были опубликованы в различных журналах и альманахах: «Апрель», «Волга», «Столица», «Континент», «Новый мир», «Знамя» и др. Ее произведения переведены на английский, грузинский, гаитский языки.

В данный момент является сотрудником всемирно известной «Литературной Газеты».

Официально основанная в 1929 году, «Литературная Газета» берет начало еще с 1830-го года — одноименного издания, созданного Пушкиным и его другом бароном Дельвигом. Хотя ни юридической, ни фактической привязки нет, новая версия будто продолжает традиции пушкинской газеты. В 1929 году работа была возобновлена по инициативе Горького, и с тех пор газета является одним из ведущих изданий мира в аналитико-культурологической области.

На 2012 год еженедельный тираж «Литературной Газеты» составляет 148 000 экземпляров, а в разные годы достигал шести с половиной миллионов. На сегодняшний день подписку на газету можно оформить в любой точке земного шара, а самое активное распространение ведется среди жителей СНГ, Израиля, Европы и Северной Америки.

ственный контроль. Мы много говорим о становлении и развитии гражданского общества, но при этом упускаем аспект культуры. А она наиболее беззащитна перед натиском рыночных технологий.

Да, так и получается: некоторые критики старой

заказки обвиняют «молодых» в том, что для последних критика — это всего лишь пиар-ход. Впрочем, в периодических изданиях все еще публикуют критические статьи. Они не имеют никакого влияния сегодня?

Никакого существенно. Критика разве что стимулирует эмоции авторов — позитивные или негативные. Отделы критики работают по инерции, чтобы журналы оставались толстыми, а интернет-издания работали «как большие» и подражали традиционным.

Одни говорят о постоянном стремлении исправлять ошибки и «подстраиваться» под критика и читателя, другие — о самобытности автора и, в этой

связи, о самостоятельной оценке своего творчества. Как, по-вашему, автор вообще должен относиться к критике?

По завету Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно — и не оспаривай глупца». Это не значит, конечно, что все критики относятся к разряду «глупцов». Авторство — сложный и самобытный творческий комплекс. По большому счету автор всегда знает себе цену и свое место в литпроцессе, что бы ни говорил в интервью. «Подстраиваться» — свойство коммерческой литературы, проблемами которой «Литературная Газета» не занимается. Каждый писатель сам выбирает нишу, в которой работает, и читателя, на которого работает.

Контакты для авторов:

109028, Москва,
Хохловский пер., д. 10, стр. 6
8 (499) 788-02-10 (автоинформатор)
litgazeta@lgz.ru
www.lgz.ru

Большая и — литературная

Где искать хорошую критику и знания?

Комментирует Юрий Поляков,
33-й главный редактор «Литературной газеты»:

«В свое время существовала целая сеть литературных объединений и студий, охватывавшая практически всю страну. Сегодня этого нет. Но все-таки остался Литературный институт, где семинарами руководят опытные литераторы. Писательские организации есть в каждом областном городе. Я бы советовал для начала показать свои первые опыты профессиональным литераторам. И прислушаться к их советам. Творческий человек устроен так, что обнаружив в начинающем литераторе хоть искру таланта, он всегда с удовольствием поможет и направит. Потому что настоящее дарование в литературе встречается не чаще, чем в музыке или в живописи».

Что значит литературная критика сегодня?

Комментирует Анна Сумарокова,
редактор «Авторского стиля»:

«Большая литературная критика сегодня, как мне кажется, мало что решает. Если только в области элитной высокоинтеллектуальной литературы, которую «гоям не понять». Да и то... Сомневаюсь. А в развлекательной литературе рамки одни — денежность. Приносит книга деньги — шедевр, нет — отстой. Рыночный подход.

Тут еще вот какое дело. Раньше дворяне были элитой, собственно, они и читали в основном, они и писали, и критиковали. Ага, «Я и пахарь, я и жнец...» Ну и было у них время, чтобы подумать, оценить смысл, глубину, замысел. А сейчас? Народ пашет-пашет, и хочет с книгой расслабиться. Поэтому и выбирает, что полегче, попроще. А на такие вещи писать критический отзыв в духе Белинского — бред».

Что и как решает литературная критика сегодня?

Комментирует Сергей Дегтярев,
руководитель портала для писателей:

«В большой литературной критике я вижу только одно — оценку текста. На этом можно ставить точку. Для каждого это понятие имеет разное значение, и схожих мало — это факт. Но вряд ли кто-то будет спорить с тем, что, не имея критики совсем, мы рискуем писать такую ахинею, что в скором времени уже самим себя читать не будет сил.

Решать судьбу литературы критика уже не способна, и это тоже факт. Цензуры стало меньше, а вместе с ней люди стали меньше обращать внимание на критику. Писатели появляются, как грибы после дождя, — всех не охватишь, критиков — не хватит. Да и литература в последнее время шагнула в сторону денежного заработка на себе. А там, где замешаны финансовые проекты, мало кто будет слушать негодующий отзыв критика-профессионала о произведении, которое должно в недалёком будущем принести определённые капиталы».

Павел Корнев

О роли критики в жизни писателя

Расскажите о том, как и почему вы начали писать.

Фантастикой и фэнтези я увлекался с детства, истории сочинял постоянно, а после очередной прочитанной книги подумал: «могу написать и лучше». Попробовал написать — и вскоре это дело забросил. Несколько раз вновь брался, но, пока не стал участвовать в сетевых конкурсах, регулярно не писал. А потом понемногу втянулся.

Помните свою первую законченную работу? Она издана или осталась в черновиках?

Первая законченная работа, если не считать рассказов, — это «Лёд». Рассказы, впрочем, тоже выкладывались в сети, так что в черновиках остались лишь какие-то самые ранние незаконченные вещи и то, что сейчас находится в работе.

Расскажите о ваших творческих планах...

Сейчас пишу третью книгу из цикла «Экзорцист». Основная концепция — «секс и насилие», что для меня несколько необычно. После того, как закончу текущую книгу (первая её часть должна выйти в марте в сборнике «Меч императора»), скорее всего возьмусь за историю о приключениях Лёда «здесь». А дальше пока не загадываю.

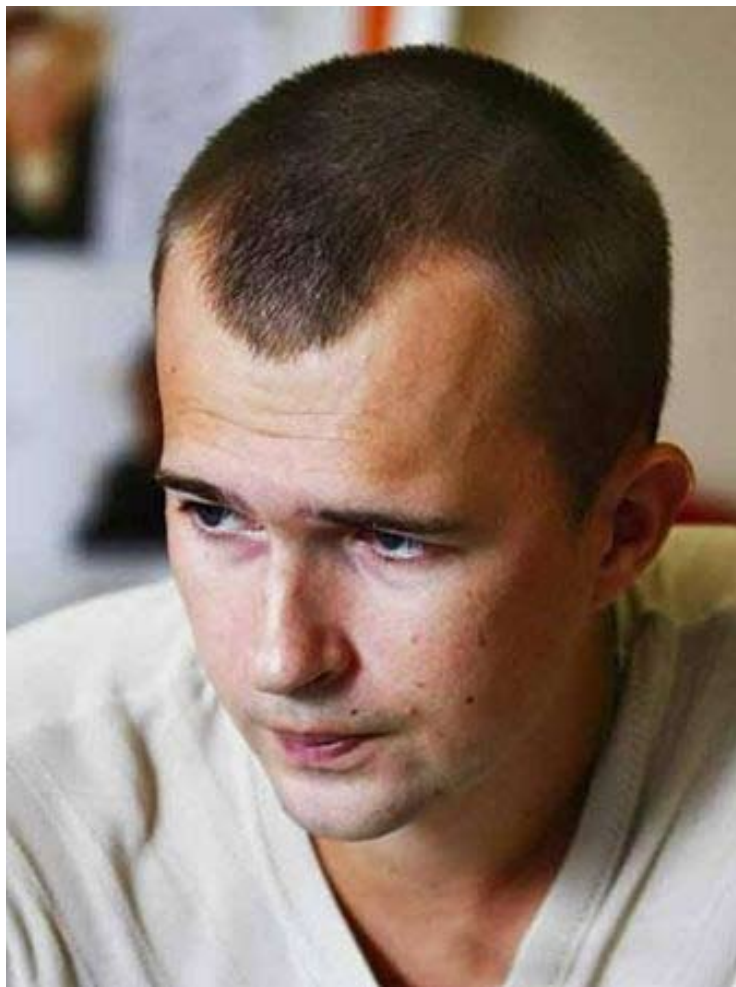
Какая из написанных работ на ваш взгляд наиболее удачная? Разнится ли ваше мнение с мнением читателей и критиков?

Наиболее удачными мне кажутся роман «Лёд» и дилогия «Экзорцист». Читатели больше оценили дебютный роман, критики, насколько могу судить, выше оценивают дилогию о Себастьяне Марте. Мне нравится и то, и другое.

Есть ли у вас что-то из работ, которые «страшно» показать читателю и тем более критику?

Нет. Все законченные произведения были изданы или размещены в сети. То, что кажется сырым и непроработанным, не закончено и дожидается своего часа. Возможно — дождётся, возможно — нет.

Как писатель с большим опытом и достаточно большим количеством изданных книг, вы

Критика влияет на творчество писателя. Или не имеет никакого значения? Литературоведы, публицисты, аналитики, критики — у каждого есть свое мнение, к которому несомненно можно прислушаться. Но кто, кроме состоявшегося писателя, сможет толково рассказать о роли критики в жизни автора художественной литературы? Именно поэтому мы решили поговорить с Павлом Корневым, писателем, издавшим более 14 книг.

наверняка имеете некую обратную связь с читателем. Как отзываются о ваших книгах, и как вы эти отзывы воспринимаете?

Сколько читателей, столько и мнений. Негативных отзывов, разумеется, хватает. Когда пишут «не понравилось», просто не обращаю внимания, когда аргументируют свою точку зрения, отношусь более серьезно, но далеко не всегда соглашаюсь. У меня обычно есть своё видение на собственное творчество, и интересны скорее указания фактических неточностей, чем отзывы в стиле «не так всё было».

Сейчас, когда вы уже успешный автор, многое ли изменилось в плане отзывов на произведения и отношения к этим отзывам?

Возможно, научился не столь остро реагировать на негативные отзывы. Иногда даже почёрпываю в них кое-что полезное.

Наверное, каждый писатель хоть раз в жизни желал выместить злость и откритиковать кого-то. Были подобные случаи в вашем творчестве?

Крайне редко, ведь любая критика — это в той или иной степени реклама. Несколько раз объяснял, почему не согласен с идеей того или иного произведения, или топтался (обычно без указания конкретных имён) на вопиющих ляпах, но в целом мне куда больше нравится делиться с читателями блога впечатлениями о понравившихся произведениях.

Так повелось, что начинающий писатель почти всегда болезненно воспринимает критику, но, скорей всего, критика мастеров и новичков сильно различается,

не так ли?

Насколько могу судить, негативные отзывы на произведения новичков и мастеров жанра в целом схожи. Просто к первым приклеивают ярлык МТА, а про вторых говорят, что они исписались. Начинающему автору, разумеется, критику воспринимать всегда сложнее, но лишь потому, что после двадцатого разгромного отзыва перестаёшь относиться к этому столь серьёзно. Как уже говорил, «сколько людей, столько и мнений».

Что для вас настоящая и правильная критика?

Не уверен, что могу сформулировать ответ на этот вопрос. Для этого сначала следует определиться, для кого пишутся критические статьи: для автора, потенциальных читателей или коллег по цеху. Если рассуждать с точки зрения автора, правильная критика — это та критика, которая позволяет взглянуть на своё произведение со стороны. Это, на самом деле, дорогого стоит.

Бытует не совсем приятное для авторов мнение, что критики решают судьбы книг. Ваш опыт подтверждает это или опровергает?

Я не уверен, что критики решают судьбу книги даже на западе, а уж тем более у нас, где профильных журналов раз-два и обчёлся. Куда большую роль играет качество произведения и «сарафанное радио» — то есть, отзывы рядовых читателей.

Как вы посоветуете относиться к положительным и отрицательным отзывам на первых порах?

Без фанатизма. Не стоит, как полностью сходу отмечать любые критические высказывания о книге, так и безоговорочно следовать советам «бывалых».

Павел Корнев. Челябинск, 1978г.

Начав заниматься литературным творчеством всерьёз в 2003 году, уже в 2006 Павел опубликовал первый роман «Лёд», который в сентябре этого же года получил премию «Меч без имени». На сегодняшний день опубликовано 14 книг, большинство

из них вышло в издательстве «Альфа-книга».

По словам Павла, он не только пишет фантастику, но и читать предпочитает ее же. Из любимых авторов выделяет Роджера Желязны, Джорджа Мартина и Саймона Грина. Из российских писателей — Пехов, Бушков, Зыков и Панов.

А в скором времени к выйdet сборник рассказов «Меч императора» с его участием. В сборник вошли произведения известных авторов — мастеров фантастического боевика. Разные по стилю и жанру произведения объединены темой столкновения людей с другими формами жизни. Человек — венец природы. Но данное обстоятельство не мешает людям быть одними из самых незащищенных созданий на земле. Порой даже самые мудреные и современные средства обороны не могут обеспечить надежной защиты от странных и непонятных существ, с коими сводит человека судьба...

Книги автора:

«Лёд», 2006 г.

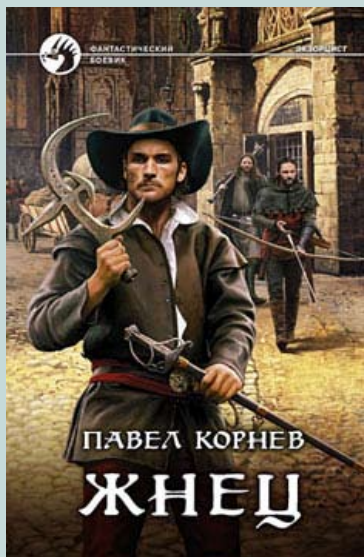
Приграничье — место, уже не принадлежащее нашему миру, но еще не ставшее частью другого. Здесь круглый год царит холод, а в волчьих стаях верховодят оборотни. В этом не самом дружелюбном месте большинство проблем разрешается при помощи свинца и колдовства, и даже для того, чтобы просто остаться в живых, приходится прилагать постоянные усилия. А уж когда на тебя объявлена охота...

[Купить книгу](#)

«Проклятый металл», 2010 г.

Бесы из века в век рвутся в души людей из серой бездны, в которой никогда ничего не происходило и никогда ничего происходить не будет... Экзорцисты и экзекуторы молитвами и огнем спасают души бесноватых и изгоняют нечистых обратно в породившую их пустоту... Так было с самого сотворения мира и так должно было быть до конца его дней.

Но появился человек, способный повелевать бесами, будто собственными вассалами. И разнеслась подобно чуме по городам новая ересь. И встали одержимые под знамена монарха-вероотступника. И оказались забыты старые договоры и обеты, а в воздухе запахло большой войной. Войной, в которой яд и кинжалы будут значить ничуть не меньше, чем армии и крепостные стены. Войной всех против всех. Какое, спросите вы, к этому имеет отношение Себастьян Март? Не стоило ему браться за изгнание бесов, только и всего.

[Купить книгу](#)

«Жнец», 2010 г.

Людам кружат голову богатство и власть, бесов манит огонь человеческих душ. Но и те, и другие — лишь марионетки скрывающегося во тьме кукловода. Игрока, для которого раздирающая Святые земли война не более чем способ добиться собственной цели. Вот только даже призрачные нити оставляют следы, а значит, рано или поздно рыцари плаща и кинжала нанесут ответный удар. И пусть холодная сталь бессильна против порождений Бездны, но иной раз грязные приемы в буквальном смысле слова творят чудеса.

Агент тайной службы Себастьян Март получил еще один шанс, но по силам ли ему переиграть таинственного Жнеца? И не пожалеет ли он в итоге о несостоявшейся прогулке на эшафот?

[Купить книгу](#)

Нет творчества без критики. А Павел, как знающий себе цену автор, относится ко всем одинаково. Для того чтоб оценить его творчество, мы собрали самые разные отзывы о его книгах с просторов интернета. Комментировали работы читатели разных интернет ресурсов.

badger, fantlab.ru о книге «Лёд»:

1 Миротворец из молодого челябинского автора получился неплохой. Мир Приграничья вышел реалистичным, жестоким, жестким и холодным. Местные монстры так и просятся на страницы солидного бестиария. Окрестные леса, болота, развалины так и манят сотнями загадок, многочисленные кланы и группировки с равным успехом осваивают магию и современные технологии... А вот с главным героем промашка вышла. Слишком уж он искусственный. Весь из себя такой циничный, хватается за пистолет по поводу и без повода, каждого встречного резать готов, а вот сбей с него спесь, сотри грязь, и предстанет под свет лазурного солнца очередной спаситель мира. Бесцельные скитания по окружающему пространству, попытки спасти собственную шкуру (а количество покушений на жизнь Льда просто зашкаливает) через пару сотен страниц начинают просто раздражать. И финальная развязка, вроде бы дающая ответы на все вопросы, кажется придуманной на ходу. Очарование мира, погубленного главным героем, лопается как мыльный пузырь, и полученная в сухом остатке неряшливость, непричесанность, и нелогичность произведения не позволяют поставить ему высокий балл.

lordgrail, labirint.ru о книге «Проклятый металл»:

2 Надо сказать, меня этот роман покорила, будучи еще во младенческом состоянии — тогда его еще называли «повесть» и жил он в сборнике «Межсезонье». Мрачный дядька в кожаном плаще, обшитом серебряными колокольчиками сразу заинтриговал, а сцена с изгнанием беса и вовсе навечно запечатлелась в моем сознании. Уже тогда безумно радовали детально и сочно прописанный мир, мелкие детали окружения, а главное — чувство, что мир не просто декорация, а вполне себе живой и настоящий. Поэтому подростковой версии экзорциста я очень обрадовался — и, как вскоре выяснилось, не зря.

Для начала, заметно что Павел Корнев очень вырос как автор, повествование теперь напрочь лишено некоторого сумбура, который просматривался раньше в его книгах, но при этом совершенно не потеряло в динамике — тот самый случай, когда от книги невозможно оторваться. Приятно радует и то, что каждый из героев, от лица которых ведется рассказ, радует яркой индивидуальностью и сложным характером — тут вам и Себастьян Март — экзорцист поневоле, сцепившийся в схватке с бесом в своей душе, и граф Луринга — ввалившийся в немилость при дворе дуэлянт, Белый рыцарь Ричард Йорк, вынужденный в балансирующем на грани войны государстве принимать решения, от которых зависит будущее его страны, ну и конечно, Якоб Ланц — пожалуй, самый обаятельный персонаж — олицетворение карточного джокера в фэнтези-мире. Одно плохо — заканчивается книга на самом интересном, оставляя возмущенного читателя грызть локти в ожидании продолжения. Что ж, надеюсь, что оно появится поскорее — локти штука не бесконечная, а узнать, что будет дальше, уж очень хочется

mzrgada, lib.rus.ec о книге «Жнец»:

3 Автор наконец создал полноценный Мир. Не полигон для экстремалов, вроде «Пограничья» или «Последнего города», где все поголовно ждут близкого конца света, а нормальный мир в котором просто живут. Это первый плюс. Живут в этом мире нормальные люди, которые по определению делятся на плохих, хороших и странных. Тривиально (но вполне разумно), что хорошие борются с плохими. Странные же (как им и положено) играют на обе команды. Увы, это — проза жизни: нет черной и белой магии, а есть люди, которые готовы ее использовать во благо или во вред. Констатация этого факта — второй плюс книги. Нет истерического надрыда, с которым глобальное Добро борется со столь же глобальным Злом. Речь идет просто о выживании, так что, господа, ничего личного. При нужде облобызаемся в уста с САМЫМ ПЛОХИМ, и оттяпаем голову САМОМУ ХОРОШЕМУ. Это называется «достоверность», и является третьим плюсом романов.

В этот мир можно поверить хотя бы потому, что он логичен и живет по тем законам, которые являются универсальными для любого человеческого общества. Магия же в этом мире определенно вторична и является лишь инструментом борьбы хороших с плохими. Причем, десятым в списке, потому что главное в сюжете — это кто кого передумает. За Корневым такого раньше не водилось и, ИМХО, я считаю это самым очевидным признаком прогресса самого автора. Писать тупые боевики — ума не надо. Писать умные боевики с нетривиальным сюжетом — это серьезная заявка на будущее. Пока это лучшее, что я прочитал у автора. Буду ждать еще.

Критику в блокнот

Критики, подобно авторам художественной литературы, хотят запечатлеть свои нетленки на страницах бумажного издания. Для них мы собрали самые приближенные и лояльные к молодым авторам издательства. Не факт, что книга выйдет для широкого круга читателей, но критику это и не нужно. Главное, чтоб литературная библиотека хранила на своих полках новое имя.

Пусть вас не смущает простенький сайт «Юрайта». Издательство за 14 лет существования на книжном рынке прочно укрепило свои позиции в издании учебной литературы, имеет партнеров по всей России, проводит рекламную кампанию своих изданий: выставки, презентации, быстрое распространение по торговым сетям. Среди выпускаемой издательством гуманитарной литературы имеется целая подтематическая группа — «литературоведение».

Для сотрудничества с «Юрайтом» необходимо

правильно оформить заявку (кратко рассказать о себе и своих публикациях, указать контакты, тематику, название, вид произведения, дать краткую аннотацию, содержание книги, прислать текст одной главы). Полный текст произведения и сведения об авторе следует отправить на электронный адрес в виде прикрепленных и заархивированных *.doc файлов.

Контакты для авторов:

140004, Московская обл.,
г. Люберцы,
1-й Панковский проезд, д. 1
+7 (495) 744-00-12, доб. 309
mironovskaya@urait.ru

На своем сайте издательство предоставляет прайс-лист с широчайшим выбором книг, адрес, телефон и... все. Никакой информации об издательстве, его партнерах, приеме авторов. Впрочем, не спешите отчаиваться, сайт просто находится в длительной реконструкции. В сообществе издательства общение куда живее — на вопросы авторов отвечают охотно и быстро.

Никаких требований, просьб или предложений к авторам в открытую нет. Между тем, попробовать нужно, ведь «втихаря» издательство говорит: да, рукописи принимаем. ОГИ заявляет, что предпочитает non-fiction, но книги других направленностей в прайс-листе мелькают с радующей частотой.

Если вы хотите сотрудничать с действительно качественным издательством, специализирующимся на выпуске гуманитарной литературы, то ваш путь ведет в «Аспект Пресс». Издательство работает с ведущими торговыми сетями всех регионов России, дружелюбно настроено к новым авторам и открыто к сотрудничеству с ними. Для начала этого сотрудничества необходимо заполнить анкету, которую легко найти на [сайте](#) в разделе «Для авторов» и прислать ее на электронный адрес.

Контакты для авторов:

111141, г. Москва,
Зеленый проспект, д. 8
+7 (495) 306-78-01,
+7 (495) 306-83-71
shipova@aspectpress.ru

Контакты для авторов:

101000, Москва,
Кривоколенный переулок,
д. 10, стр. 5
+7 (495) 621-98-52
knigibsgogi@gmail.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОНИКС

«Оникс» известен своей разнородностью: он выпускает и детские истории, и медицинские справочники, и разнообразные энциклопедии. Отдельное место у учебной литературы, целая ниша которой отдана гуманитарным наукам, в том числе и литературоведению. Впрочем, таких книг в каталоге издательства всего несколько,

зато можно стать первооткрывателем. Особых требований к авторам не выдвигается, точнее — они не указаны на сайте. Но мы знаем, что залог успеха — прикрепленные к письму грамотная заявка и текст произведения. Книги издательства можно найти в крупнейших торговых сетях Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Контакты для авторов:

117418, Москва, а/я 26
+7 (495) 742-43-51,
+7 (495) 742-43-54
highschool@onyx.ru

Издательство работает на книгопечатном рынке 18 лет. Оно имеет две редакции: московскую и иерусалимскую, хотя рукописи принимаются только через вторую. Издательство заявляет, что принимаются работы двух направлений: критическая статья (до 150 строк) и рецензии на журналы, книги (до 90 строк). Но не отрицается и возможность издания книги. Материал следует посылать на электронном носителе и в распечатанном виде. Также отмечено, что издательство приступит к переговорам только при наличии заявки размером в одну страницу. А если автор планирует издание книги, то вместе с заявкой нужно прислать сведения о рукописи на 2-3 страницы, где должно быть указано: краткое содержание, наличие иллюстраций, список глав и разделов, краткие сведения об авторе и его координаты.

По причине того, что издательство израильское, то полный ассортимент литературы предоставлен только в магазинах Израиля. В России и странах СНГ книги издательства продаются в еврейских магазинах и салонах интеллектуальной литературы.

Контакты для авторов:

POB 28424, Jerusalem
94301, Israel
house@gesharim.org
http://www.gesharim.org

Издательский дом

1992-2012

Издательский дом специализируется
на гуманитарной научной
литературе

А этот вариант отлично подойдет для тех, кто хочет издать книгу платно. На сайте даны исчерпывающие расценки и те виды работ, которые «ЯСК» проведет для своих авторов. Литературу издательства можно приобрести во многих магазинах России. Одновременно с выпуском бумажной версии, при желании автора, создается электронная

копия книги. Обложки и оформление выглядят интересно, а цены не кусаются. А тот факт, что издательство работает с научными книгами, гуманитарной литературой и качественными изданиями по Древней Руси, говорит о том, что в одном ряду с вашей книгой будут стоять достойные произведения.

Контакты для авторов:

г. Москва,
Б. Толмачёвский пер., д. 3.
+7 (495) 95 171 95
lrc.phouse@gmail.com
http://www.lrc-press.ru

«ФЛИНТА»

Контакты для авторов:

117342, г. Москва,
ул. Бутлерова, д. 17-Б,
к. 324
+7 (495) 336-03-11
flinta@mail.ru

Еще одно издательство литературы для ВУЗов. О себе рассказывает кратко и по делу: о качестве литературы, наградах, тематике издаваемых книг. Имеет целый раздел книг по литературоведению.

По отношению к новым авторам тоже не отличаются многословием: заявлено лишь то, что издательство приглашает их к сотрудничеству.

Критики критикам о критиках...

Россия — единственная страна, давшая литературе самобытное направление литературной критики. Получив общественную значимость в XIX веке, за пару столетий этот жанр подарил миру множество известных теоретиков и публицистов, с которых стоит брать пример.

Белинский Виссарион Григорьевич

Литературный и театральный критик, историк и теоретик литературы и искусства, публицист.

В конце 1830 написал драматическую повесть «Дмитрий Калинин», которая была направлена против крепостного права. Ее признали безнравственной,

даже угрожали автору ссылкой в Сибирь. Из-за нее Белинского вскоре отчислили из университета «по слабому здоровью и при этом по ограниченности способностей».

Журналистика удалась Белинскому гораздо лучше. Уже 1834 в «Молве» вышли

его «Литературные мечтания». Статья имела большой успех и сразу принесла автору славу литературного критика.

Мысли и изыскания Белинского не были ограничены лишь литературой. В своих критических обзорах и статьях он поднимал острые социальные проблемы, вопросы о дальнейшей судьбе страны и русского общества.

Русский литературный критик рубежа 1850-1860-х годов, публицист, революционный демократ

Так же, как и Белинский, в своих статьях и рецензиях уделял много внимания общественно-политическим вопросам. Во многих звучат почти неприкрытые призывы к социальной революции. Добролюбов отрицал «искусство для искусства», порицал чистых

лириков. Литературовед был также и поэтом-сатириком. В литературном приложении «Современника» — «Свистке» — он выступал под тремя пародийными масками — «обличителя» Конрада Лилиеншвагера, австрийского «патриота» Якова Хама и «восторженного лирика» Аполлона Капелькина.

Писал и серьезные стихи, занимался переводами. Из-под его пера вышло также несколько педагогических трудов. Критик был похоронен на Волковском кладбище рядом с Виссарионом Белинским.

Добролюбов Николай Александрович

Чернышевский Николай Гаврилович

Русский философ-утопист, революционер-демократ, учёный, литературный критик, публицист и писатель. Для литературной критики Чернышевский всегда считал чрезвычайно важным тесную связь с читателем, понимание его интересов.

В своих первых рецензиях он выступил с нелестной критикой в адрес популярных писателей. Поскольку считал, что: «... жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния, на которые вы нападаете». Так-

же Чернышевский занимался анализом работ других критиков, пытаясь вывести общие условия для эффективности критики. Высоко оценивал работы Белинского. В литературных произведениях Николай Гаврилович ценил реализм отображения жизни. Самым известным литературным трудом Чернышевского является роман-руководство к действию «Что делать?»

Выдающийся публицист, социолог и критик. В возрасте восемнадцати лет уже публиковался в критическом отделе «Рассвета» Кремпина. Является автором многих социологических и критических статей. Как и в своих теоретических работах по социологии, в литературно-критических статьях Михайловский выдвинул на первый план идеал служе-

Михайловский Николай Константинович

ния обществу и самопожертвования для общего блага.

Сам себя Николай Константинович любил называть «профаном», отгораживаясь таким образом от цеховой учености. Важнейшая часть его литературных заметок так и называется —

«Записки Профана».

Обладающий литературным талантом Михайловский любил перемешивать серьезность и глубину доказательств с разными «полемическими красотами», чтобы внести оживления в свои работы.

Эйхенбаум Борис Михайлович

Русский литературовед и критик. Помимо литературы, Эйхенбаум профессионально занимался музыкой, но оставил эти занятия, чтобы полностью посвятить себя филологии. Его внимание как филолога привлекало творчество И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и Ф. И. Тютчева.

После окончания уни-

верситета Борис Михайлович занялся критикой и библиографической работой, его статьи и заметки печатались во многих периодических изданиях. В основе его взглядов лежал поиск «культурной цельности», которая позволила бы связать воедино филологические исследования и потребности современной

литературы. Ему принадлежит фундаментальный труд «Лермонтов», книга «Лев Толстой», в нескольких томах которой освещена биография писателя и теоретические проблемы его творчества.

Эйхенбаум видел новый ресурс беллетристики в сближении литературы и филологии. Это направление получило название «филологическая проза».

Тынянов Юрий Николаевич

Первая опубликованная работа Тынянова — статья «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)». Также ему принадлежит ряд работ о Пушкине, в которых представлен новый взгляд на историческую роль поэта.

Тынянов — автор статей о Ф. Тютчеве, Н. Некрасове, А. Блоке, В. Брюсове.

Главный теоретический труд Юрия Николаевича — «Проблема стиховой семантики». Он был издан отдель-

ной книгой под названием «Проблема стихотворного языка». Труд был посвящен исследованию принципиальных различий стиха и прозы, определению специфики «стихового слова».

Тынянов выступал в периодике со статьями о современной литературе. «Промежуток» и «Литературное сегодня» признаны шедеврами критического искусства.

Взявшись в 1924 году

за работу над популярной брошюрой о Кюхельбекере, Тынянов неожиданно за короткий срок написал роман «Кюхля», положивший начало его писательской судьбе.

Немзер Андрей Семенович

Российский историк литературы и литературный критик, обозреватель газеты «Время новостей», профессор Высшей школы экономики.

Печатается с 1979 года. Первая большая работа Немзера — «**Син чудесные виденья...: Время и баллады В. А. Жуковского**».

Как критик, сотрудничал с журналами «Литературное обозрение», «Новый мир», «Знамя», «Дружба

народов», «Октябрь», «Волга», «Звезда», «Вопросы литературы».

Статьи Немзера переведены на английский, французский и немецкий языки.

В своих статьях и рецензиях критик рассматривает творчество не только писателей прошлого, но и ставших популярными в новейшее время, таких как Татьяна Толстая, Борис Акунин, Дмитрий Пелевин и др.

Является автором книг о литературе, сборников литературно-критических статей, рецензий на наиболее приметные книги и журнальные публикации, полемических заметок, обзоров современной русской литературы.

Литературный критик, литературовед.

Считается, что термин «шестидесятники», к которым принадлежал Рассадин, он сам и ввёл. Работал в издательстве «Молодая гвардия». Публицистическую карьеру сделал во время хрущёвской оттепели.

Работал в «Литературной газете», в журнале «Юность». Помимо этого, публиковал литературоведческие статьи еще во множестве газет и журналов.

Рассадин

Станислав Борисович

Выпустил несколько десятков книг, в том числе — о Пушкине, Галиче, Мандельштаме, Фонвизине. Публиковался в «Новой газете», в рубрике «Стародум».

В 2008 году была издана книга под названием «**Дневник Стародума**». В 70-х гг. совместно с Б. Сарновым был автором популярных детских литературоведческих радиопередач «В стране литературных героев».

К сожалению, не так давно (в ночь на 20 марта) Станислав Рассадин умер от инфаркта.

Аннинский

Лев Николаевич

Критик, писатель, публицист, неоднократный обладатель Национальной телевизионной премии «ТЭФИ»

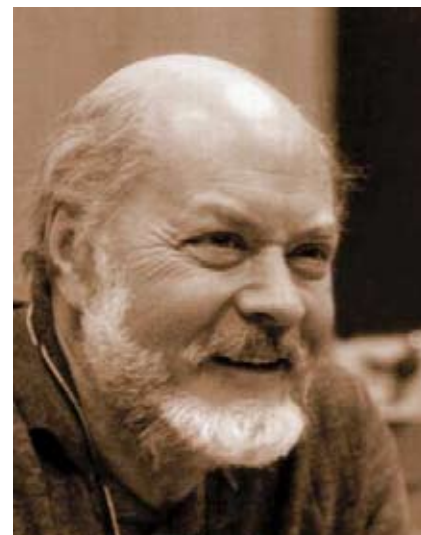
«Не учить читателя читать, а понять личность автора» — так сам известный писатель и литературовед Лев Аннинский определяет главную цель своей жизни. Критика Льва Николаевича отличается ироничностью.

О литературе и искусстве рассказывает увлеченно и доступно. Он является автором более двадцати книг, из которых по его словам особенно гордится одной — «**Жизнью Иванова**».

Из под пера Аннинского вышло почти пять тысяч статей. На телеканале «Культура» он выступил автором и ведущим циклов «Серебро и чернь», «Медные трубы», «Засадный полк».

Лауреат множества престижных литературных премий. Является Членом жюри литературной премии «Ясная Поляна».

Живёт и работает в Москве.

Роднянская Ирина Бенционовна

Российский литературный критик, литературовед.

Печатается как критик с 1956 года

С 1988 по 2008 г. руководила отделом критики журнала «Новый мир». Публиковалась в журналах: «Новый мир», «Знамя», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение» и др. Является автором нескольких книг посвященных проблемам литературы, критическому анализу.

Роднянская стремится подходить к явлениям современного искусства с эстетическим мерилем, выработанным классической эстетикой. В настоящее время является сотрудником редакции энциклопедического словаря «Русские писатели. 1800-1917» в качестве автора и редактора.

Лауреат Новой Пушкинской премии за 2010 г., а также журнальных премий «Нового мира» (2000), «Вопросов литературы» (2010).

Агеев Александр Леонидович

Российский филолог-литературовед, литературный критик, публицист. С 1974 года публиковался как поэт в ивановской газете «Ленинец». Первую критическую работу опубликовал в том же журнале в 1976 году.

С 1991 года Александр Агеев в течение 10 лет заведовал отделом рецензий журнала «Знамя». Одновременно публиковался в «Новой газете», «Независимой газете», «Литературной газете», «Известиях» и др., в массовых журналах.

С декабря 2000 г. по июнь 2002 г. и с мая 2003 г. по апрель 2004 г. Агеев вел в сетевом «Русском

журнале» рубрику «Голод», в которой регулярно отзывался на новые публикации в периодике и на книги.

Печатался также под псевдонимом Евгений Кириевский.

Лауреат премии «Литературного обозрения», фонда «Знамя».

Александр Агеев умер 15 июля 2008 года.

Российский литературный критик и прозаик. Доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ, академик Академии русской современной словесности.

Печатается с 1976 года. Перу Новикова принадлежит мно-

Новиков Владимир Иванович

жество статей о современной русской поэзии и прозе. Владимир Иванович — постоянный автор «Часора», где публикуются «Антиномии», в которых он вместе со своей женой Ольгой Новиковой говорит о профессиональной поэзии.

Автор литературоведческих книг-эссе о Юрии Тынянове, Вениамине Каверине, Владимире Высоцком. Составитель «Энциклопедического словаря юного литературоведа», сборника «Все шедевры мировой литературы в кратком изложении». Лауреат премий журнала «Литературное обозрение», фонда «Знамя». Член жюри национальной литературной премии «Поэт».

Публичная библиотека Канзаса

Штат Миссури, США

Скорей всего архитекторы задумывали развлечь Гулливера, когда проектировали фасад нового здания публичной библиотеки Канзас-Сити. По-крайней мере жители города и гости, которым удалось повидать шикарное строение, никогда не проходят мимо и, вероятно, ждут встретить великана за углом...

В прошлом первый Национальный банк на углу 10-й и Балтимора в центре Канзас-Сити стал новым домом для центральной библиотеки в 2004 году. На реконструкцию красивого старинного здания внутри и снаружи было собрано 50 миллионов долларов. Теперь это — сочетание мраморных колонн и декоративных изделий.

Основанная в 1873 году публичная школьная библиотека стала культурным центром города, обеспечивая не только образовательные ресурсы, но и являясь альтернативой развлекательным заведениям того времени. До 2004 года библиотека десять раз переезжала в

большее здание, пока, наконец, в 2004 не обосновалась в здании банка.

Перед началом строительства жителям города предложили указать книги, которые, по их мнению, представляют Канзас-Сити. Те, которые повторяли чаще всего, были использованы при оформлении фасада и некоторых частей интерьера здания.

В библиотеке насчитывается 1 147 278 книг на данный момент, а в 2011 году ее посетили 2 492 118 читателей.

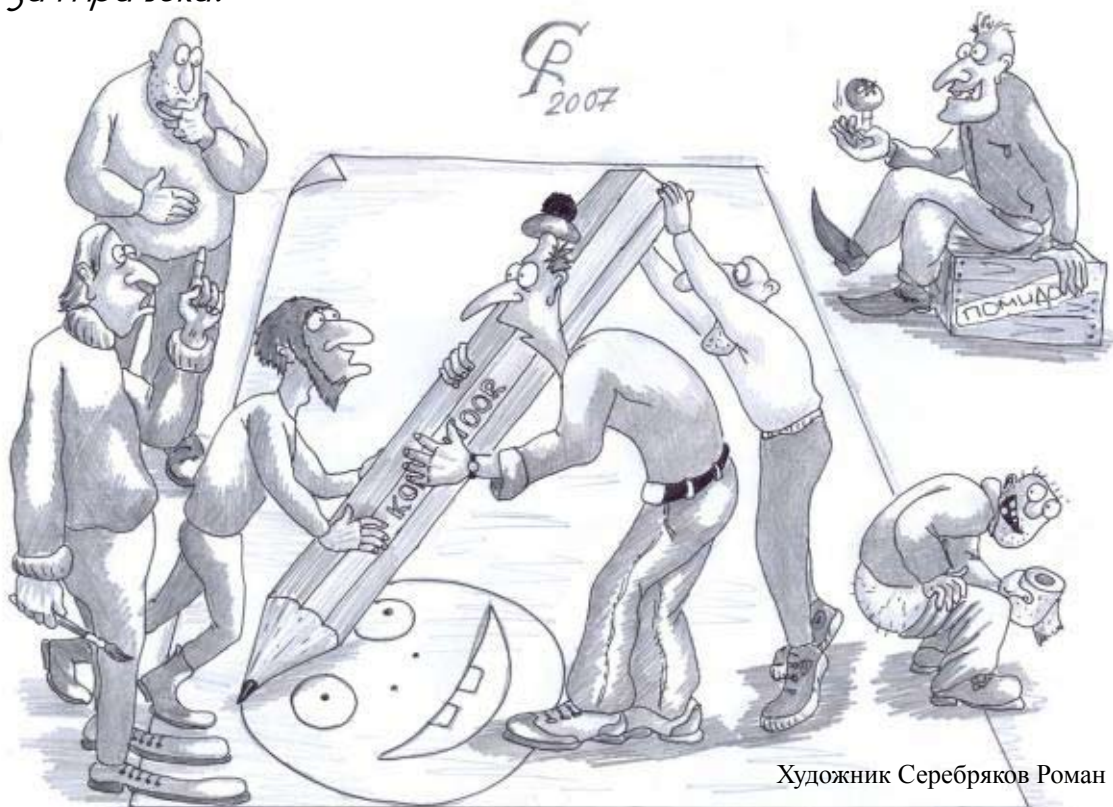
Для большей реальности можно посетить сайт библиотеки:
www.kclibrary.org

От истоков к «апофеозу» современности

*Что стало с критикой
за три века?*

Художник Серебряков Роман

Критика — явление древнее, понятие расплывчатое, а функции её не однозначны. Она может быть разгромной или напротив — поддерживающей, общего плана и конкретная, мотивирующая и останавливающая. Конструктивная или критиканская. Критика обвинения или восхищения. А её основная цель — разбор: анализ, выявление противоречий и ошибок, исследование, проверка достоверности и подлинности, отзыв и обсуждение чего-либо с целью выявить недостатки и выразить свою точку зрения и т. д. Критика — искусство разбирать. Вот

общее понятие этого термина, которое существует в наше время. Однако, задумавшись над сутью этого определения, его проявления в жизни, невольно осознаешь, что критика — это нечто большее, чем искусство. Это наша повседневность, быт, работа. Жизнь каждого человека связана с критикой...

Мы всегда критикуем

Отец критикует сына с целью научить. Народ — власть и цены. Власть критикует сама себя, чтобы успокоить разгневанных граждан. Гурман — повара за плохо приготовленного цыпленка, либо — наоборот поощряет высокой оценкой, если блюдо понравилось. Один музыкант критикует другого из зависти или восхищения. Модельер — всех людей (за исключением избранных), потому что одеваются не так. Люди — модельера из-за его нетрадиционной ориентации...

Всегда есть человеческая мысль, как фактор критики

Как ни крути, но в мире творчества всё сложнее. Если цыплёнок был съеден — критиковать уже нечего. Второй раз такого точно не приготовишь. Живёт только мнение одного-двух. А вот литература — объект многоразовой оценки.

К примеру — классики. Как всё было. Восемнадцатый век — страна бесправия, крепостничества и монархического гнета. То есть, общественного мнения нет. Критика зарождается в борьбе за честь русской культуры, которую представляют такие творцы, как Ломоносов (Письмо о правилах творения российских стихов и первый образец оды, 1739 г.), Тредиаковский (публикует свой «Новый и краткий способ» четырьмя годами раньше). В 1743 и 1748 годах появляются две редакции

Критика XVIII века зарождалась в борьбе за честь русской культуры, ведь это время отличалось отсутствием общественного мнения и засилием монархии и крепостничества

«Риторики» Ломоносова. В 1748 году выходят «Эпистолы» о русском языке и русском стихотворстве Сумарокова.

Критику того времени представляли гении литературного мастерства. Стоит отметить Державина, Хераскова, Лукина, Плавильщикова. Они сформировали это понятие так, как видели и понимали сами. Само собой позднее ряды писателей стали разрастаться, что привело к множеству различных мнений. Так, наравне с классицистической, появилась и сентименталистская критика (Карамзин, Дмитриев). А в девятнадцатом веке русская литература

Фактология:

Впервые слово критик в русской литературе употребил Кантемир в 1739 году в примечаниях к своей седьмой сатире («О воспитании») в значении: «острый судья», «всяк, кто рассуждает наши дела».

Критика всегда болезненно воспринимается, даже если она вполне справедлива, следовательно, она может не достигнуть желаемой цели — изменения поведения критикуемого.

Истинной критике ну никак не свойственна доверчивость.

Низшая критика старается выяснить, что говорил изначальный текст, а высшая критика задаётся вопросами, кто говорил это.

Задача подлинной критики — не защита или ниспровержение писателя, а его разъяснение, разбор. Отсюда следует, что, говоря о критике как о литературе, следует быть последовательным и стремиться к точности, не обходясь в критике, как и в науке.

Критика формировалась исторически, ее предпосылки возникли еще в античности (Платон, Аристотель, Аристарх).

получила Белинского, Мерзлякова, Добролюбова, которые сжали понятие критики в чёткие рамки. В литературе случился распад прежних направлений, и, как следствие, зародились новые понятия.

Всё начало истории критики в одном — это мнения людей, закреплённые знаниями и выраженные на бумаге. И это было явлением прекрасным для литературы, толчком к развитию культуры, письмо стало развиваться.

В XX веке критика, имея надёжный фундамент, стала общедоступной. Вырос уровень образования, народ начал уметь, а главное — появилась общественная идея

Но в двадцатом веке критика, имея надёжный фундамент, стала общедоступной. Вырос уровень образования, народ начал уметь, а главное — появилась общественная идея. Старое сменилось новым. И о таких людях, как Эйхенбаум, Тынянов и Шкловский мало кто сейчас вообще что-то знает. В начале двадцатого века критика стала понятием расплывчатым. Она преобразовалась в карательный инструмент, направляющийся и контролирующийся

непосредственно партией. А партию возглавляли не писатели, а руководители, смыслящие, как использовать это культурное благо с целью влиять.

Что сделал двадцатый век с критикой?

Что происходит сейчас? Феномен критики как литературного жанра и единственного верного анализатора художественного слова — умер. Возьмем, к примеру, небольшой городок. В редакции местной районки есть главный редактор и его зам — это два критика. И пара журналистов: гениальный и не очень. Они пишут статьи, постоянно соревнуясь, потому что хотят обратить на себя внимание критиков — редакторов. Конкуренция рождает качество, это так, это журналистская истина.

Хотя порой случается совершенно не литературный казус. Журналист, который пишет хуже гениального, находится в лучшем отношении с редакторами, и его материалы, хоть и недостаточно хороши, всё равно на первой полосе газеты. А у гениального есть постоянные читатели, которые его

Критика — важнейшая сторона литературных направлений, она придает им окончательную идеологическую оформленность и устойчивость. У критики есть свои исторические традиции, преемственность в передаче «мыслительного материала», опыта выступлений перед читателем.

История критики изучается специальной научной дисциплиной.

Сложная идейная борьба в критике рассматривается как отражение классовой борьбы, освободительного движения в России, как форма обобщения художественного познания социальной действительности.

статью и так найдут. Это неисправимый факт. Так сложилось. Теперь городок сравните со страной, редакторов газетки — с главными представителями печатной индустрии, а журналистов, гениального и не очень, — с писателями гениальными и не очень. Печатают тех, кто имеет связи, деньги и известность (последнее выплывает из хороших отношений с критиками-редакторами). А остальным приходится пробивать путь долгими попытками. Начинать с нуля, чтобы занять свою нишу, стать любимчиком, привлекать читателей и редакторов. Мысль о том, что хорошая книга сама себя продаст, уже давно исчерпалась, потому что есть главный критик — редактор, главный критик — человек у власти. Сейчас критика, к сожалению, не учит, каковой её создали гении, а диктует условия.

Из этого следует множество выводов. А вопросов у писателя, который хочет издать первую нетленку, прибавляется с каждым абзацем. Но, тем не менее, выход всегда есть. Помните ту лю-

бовную поговорку: любовь приходит неожиданно? Когда не ждешь, не ищешь, не делаешь все только ради одного. Вот и тут... Никто не даст совета о том, как писать, чтоб понравилось критику, а вот о том, что писать стоит ради самой литературы — да.

«Вспомните того человека, которого спросили, зачем он так усердствует в своем искусстве, которое никто не может понять. «С меня довольно немногих, — ответил он. — С меня довольно одного. С меня довольно и ни одного». Монтень». (М. Цветаева, Поэт о критике)

А раз как минимум одно — непосредственное создание литературы — в наших руках, нужно бороться, стараться, стремиться и смотреть вперед, ожидая горизонтов славы — не обязательно публичной, но собственной, внутренней, духовной. Радоваться самому творчеству, чистому и неангажированному, не имеющему целью одни лишь лавры. Впрямь, как у Монтеня.

Автор статьи
Александр Лункрай

«В книжной жизни сейчас происходит ровно то же самое, что и на перекрестке Покровки с Чистопрудным бульваром. Дело в том, что сейчас идет такой необъявленный спор между издателями и критиками, что, собственно говоря, нужно в кризис. И я прочел много уже в письменном виде соображений на этот счет. Примерно пополам они делятся. Одни говорят, что надо как раз литературу облегченного типа: «Вот, дайте мне теперь детективчик. Так тяжело на душе, так тяжело на улице. Вот я полежу на диване и почитаю фэнтези». А часть людей — и я прямо сразу говорю, что я к ним принадлежу, — считает, что, ну вот, слава богу, появилось время почитать серьезную книжку».

«Мне кажется, что критик может быть свободным и суждение его может быть — нельзя сказать объективным или беспристрастным, но неангажированным. Но только в том случае, если он хорошо осознает свою собственную позицию, умеет ее обосновывать, теоретически подкован, великолепно знает существующий контекст, ориентируется в нем и не позволяет себе высказываний «от репутаций» ни в одном из смыслов, которые можно придать этому выражению. То есть не позволяет себе ни «геростратовых» высказываний вроде: ах, это, значит, авторитетный автор, дам-ка я ему по морде, как делают некоторые известные нам критики с очень плохой репутацией — в силу своей глупости, а не в силу беспристрастности. И в то же время критик не позволяет себе исходить из готового и сложившегося понимания творчества данного автора, из всеобщего к нему почтения, у него должна быть своя голова на плечах — при том, что он это понимание обязательно должен учитывать в своем высказывании и сориентироваться относительно него. Сориентироваться — не в плане его полного отрицания или полного приятия, а в плане того, что он, критик, думает об этом тексте. Суждение критика прежде всего должно облегчать понимание; критик должен понимать те основания, из которых исходит данный автор, и сравнить их с собственными. А уже потом — выносить суждение, если это необходимо (что нужно, подчеркиваю, не всегда)».

Борис ПАСТЕРНАК,
генеральный директор издательства «Время»

Евгения ВЕЖЛЯН,
литературный критик, поэт

В. КОЗЛИНСКИЙ

КРИТИКА ПО СУЩЕСТВУ

— Я думаю, Иван Павлович, после такого ужина критиковать не захотят!
— Гм., я только боюсь за Павла Ивановича — у него катарр желудка.

Хитрость выше гордости

Как узнать правду в критике?

Наш век высоких технологий и Интернета подарил людям творческим отличную возможность продемонстрировать свои творения. Если раньше начинающий писатель мог рассчитывать лишь на оценку своих родных да знакомых, то сегодня этот круг почти не имеет границ. Не нужно даже дописывать что-то, мучаясь сомнениями, а хорошо ли выходит. Достаточно выложить кусок текста в мировую сеть и вуаля. Долгожданные отзывы потенциальных читателей у автора в кармане.

Точно так же, любой человек, до этого имевший возможность поделиться впечатлениями от книги только с ближайшим окружением, сегодня может сказать о них во всеуслышание. И даже поучаствовать в создании, указывая на ошибки и недочеты, отмечая удачные моменты, давая советы.

Это замечательно, да только вот не все так радужно. Отношения писателя и критика — штука сложная, в ней множество подводных камней. Поэтому так часто обсуждение текста перетекает в

склоки и перепалки с переходами на личности.

Но критика ведь полезна? Полезна. Она, как лекарство, которое может сделать ваш текст здоровее, румянее и бодрее. Но любое лекарство больной должен правильно принимать, а врач — правильно выписать. Интернет же больше похож на сумасшедшую больничку, где каждый встреченный доктор выдает свою пилюлю. Если скушать все, то будет очень плохо.

Поэтому поговорим о том, по каким критериям можно определить, что принимать к сведению, а на что закрыть глаза. Постараемся вывести своеобразную памятку «больного» для общения с «докторами».

О вежливости

В первую очередь стоит поговорить о вежливости. Вежливость важна и очень полезна. Дело даже не в этической стороне дела, а во вполне практической. Если цель писателя — научиться, почерпнуть для себя пользу, то ему не с руки постоянно впутываться в свары, которые отвлекают от дела. Поэтому, даже если написавший отзыв — хам и невежда и, по вашему мнению, ничего дельного не сказал, не стоит кидаться на него, размахивая шашкой. Лучше вежливо попросить человека больше не появляться в вашей теме. В конце концов, если сил на вежливые слова нет, можно просто гордо промолчать. Сэкономленное на ссорах время лучше потратить с пользой — на написание текста или на его правку.

Не стоит забывать, что человек, прочитавший ваше творение, — потратил свое время. Оставивший отзыв — потратил еще больше времени. Это не повод рассыпаться в благодарностях перед грубиянами, рассчитывающими на драку, но все же играет определенную роль.

Еще один момент заключается в том, что не всегда неприятный отзыв равен ненужному. Дельные критики бывают грубыми и не деликатными. Но если для них на вашем тексте свет клином не сошелся, то вы напрямую заинтересованы в его улучшении. Поэтому иногда стоит ущемить самолюбие и, стиснув зубы, сносить пинки, если дело того стоит. И отсюда вытекает следующий пункт.

О конструктиве

Все авторы мечтают о конструктивной критике. Только как ее узнать? Может, по объему? Нет, чем больше, тем лучше — это не то. По умным словам? Тоже не показатель. По дельным замечаниям и

Помните, что несправедливая критика часто является замаскированным комплиментом. Не забывайте, что никто не бьет мертвую собаку.
(Дейл Карнеги)

советам, только так. Можно настроить огромный отзыв, но не сказать ни одного полезного слова, а можно парой строк здорово помочь автору.

Тех, кто помог хоть в малости, нужно ценить. Тех, кто помог во многом — холить, лелеять, прощать все закидоны и приманивать плюшками и шоколадом. Это вам на пользу. Вы сделаете свой текст лучше, отшлифуете до блеска и, возможно, издадите потом сумасшедшим тиражом.

Неконструктив стоит нещадно отсеивать, не допускать в свое сознание. Все хвалебные и очень

приятные «Вай! Давай еще!», «Круто! Проды!» — мимо. Так же, как и такие же короткие, но негативные возгласы. Зачем радоваться или огорчаться из-за не несущих смысла восклицаний, из которых даже не понятно, читал человек текст или нет. Это несерьезно. Длинные и пространные рассуждения на тему «Мне понравилось/не понравилось, ведь я люблю/не люблю про...» тоже не стоит серьезно воспринимать. «Вкусовщина» у каждого своя, под всех не подстроишься.

Рассматривать нужно лишь те отзывы, в которых есть конкретика, отстоя-

щая от личных предпочтений. Не факт, что они будут полезны на сто процентов, но уж точно больше, чем пустая похвала.

Для проверки достоверности можно использовать различные ресурсы, вроде wikipedia.org, gramota.ru и др. Стоит таким образом проверить несколько спорных моментов, и вы уже будете знать — доверять критику или нет. Второй способ проверки — сравнительный анализ мнений. Если пятеро говорят — это ошибка, а один твердит, что все верно, скорее всего будут правы пятеро. Но и в этом случае можно проверить: Интернет — всемирное благо.

О любви

Свой текст, несомненно, нужно любить. Иначе зачем тратить силы и нервы на его правку и выслушивание критики? Но любовь эта не должна перерасти в благоговейное обожание. Стоит увлечься, полюбить каждую запятую и букву, и вы потеряете связь с реальностью. Считать себя гением, конечно, хорошо, но только в одном случае — если вы действительно гений. А тут велика вероятность ошибиться.

Лучше оставить себе простор для развития и совершенствования. Признать, что можно написать лучше, и слушать других людей. При этом не нужно впадать в другую крайность и вносить изменения по первому свистку. Собственный взгляд на текст никто не отменял. Людей много, мнений тоже. Если полностью отрешиться от своих предпочтений и следовать всем полученным советам, можно сорваться в бесконечную правку, которая быстро отобьет желание писать.

Поэтому стоит определить для себя, какие именно моменты, сюжетные повороты, фразы кажутся вам наиболее удачными. И на их правку идти только под действием неоспоримых доводов или под дулом пистолета. Текст должен остаться вашим.

Некоторые дорогие сердцу мелочи, вроде неправильно построенного предложения или лишнего уточнения, можно оставить просто так. Авторская блажь и точка. Главное не увлекаться, знать меру. Если на фоне грамотного текста, выверенного и органичного, проскочит где-то полюбившийся вам «корябус», читатель не обидится. Он, скорее всего, этого и не заметит. Но если текст будет состоять из «корябусов» — просто не станет читать. Поэтому, если несколько человек говорят об ошибке, нужно серьезно задуматься, насколько она вам дорога.

О том, что стоит оставить

Начинающие писатели не сразу начинают писать хотя бы хорошо. Чаще всего на первых порах

они собирают все ошибки и штампы, которые только существуют. Именно на первое творение есть риск получить самую жесткую и негативную критику. Частенько разбор пробы пера оказывается гораздо объемнее самой пробы. Получить его, конечно, обидно, но полезно и необходимо.

За первый текст не нужно держаться, как утопающий за спасательный круг. Это лишь старт, начало. Олимпийские чемпионы ведь не с детства бьют мировые рекорды, они падают и набивают шишки на пути к пьедесталу. Поэтому, если вам расписали, как все плохо и неудачно в первом тексте, не впадайте в панику, не кидайтесь на защиту очертя голову. Лучше успокоить себя тем, что через это проходят все, и проанализировать замечания. Постараться увидеть то, что увидели критики. Попробовать последовать их советам, что-то перестроить, что-то убрать или переделать. Если в итоге вы согласитесь с ними, но желание править текст пропадет — ничего страшного. Оставьте его, начните другой. Он тоже не будет идеальным, как и третий, четвертый... Идеала вообще не существует, но стремиться к нему нужно.

В первую очередь нужно наработать технику и приобрести навыки, выслушивая критику, терпеливо учась замечать свои ошибки. А потом вы, может, вернетесь к тому первому тексту и сделаете из него шедевр, который станет бестселлером.

Обо всем

Подводя черту, стоит сказать, что критика — вещь бесспорно полезная и нужная. Она помогает писателю развиваться, подхлестывает к совершенствованию. Но не всегда она бывает сладкой и приятной, а чаще всего совсем наоборот. Порой трудно относиться к ней спокойно, иногда и вовсе невозможно, но обойтись совсем без критики еще сложнее. Эта статья не призывает автора быть покорным, не утверждает, что он — зависимое существо. Совсем нет. Она

призывает писателя быть хитрым и расчетливым, извлекать выгоду из критики. Пусть для этого и нужно будет слегка придушить самолюбие с гордостью. Цель оправдывает средства, в данном случае. И если ваша цель — отличный текст, который будет приятно и интересно читать, то не бегайте от критиков. Позвольте им вас побить и потрепать, наставить шишек с тумаками. Потом, получая престижную литературную премию, вы еще поблагодарите их в торжественной речи.

Автор статьи Анна Сумарокова

Ляподром

Ляпы порой вызывают возмущение, но чаще смех. И никто от них не застрахован: ни давно издающийся автор с бригадой корректоров во главе с мудрым редактором, ни, тем более, новичок, десяток раз самостоятельно перечитавший свой труд. Дать точное определение литературному ляпу — задача не из простых. Как и ошибки, ляпы у каждого свои, и каждый воспринимает и видит их по-своему.

Казалось, этого человека должны были видеть караульные. Но от караульных осталось **ведро ДНК**.

Прошу сдерживать беглость ваших пальцев!

Они остановились у порога и стали смотреть на Кирилла, любопытно и зло, как хорьки, **в норку** которых заплывла камбала...

Найдется **пара**, может быть **два** похожих рассказа...

Любить иных - тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.

На уроке в школе:

- Можно выйти?

- Зачем?

- В туалет.

- Да иди. Возьми тряпку, **заодно намочишь...**

Но это было **на сто градусов больше температуры костра**, на котором сожгли Коперника.

Кругом народ, крик, шум, **десять тысяч лиц, десять тысяч глаз**, — все это надо перенести, а главное, мысль: «Вот их десять тысяч, а их никого не казнят, а меня-то казнят!» («Идиот», Достоевский)

Между нами критиками

или разговор по душам о наболелом

Порой критик становится перед достаточно истеричной проблемой выбора: сказать автору все в глаза и прямо или завуалировано описать возможные допустимые ошибки, произведенные по его, авторской, невнимательности или увлеченности витиеватым сюжетом с тонкими метафоричными подробностями и... Вот тут пора уже запутаться. Потому поговорим о том, как выражать критическое мнение с одинаковой пользой для обеих сторон.

Итак, шаг первый — преодоление психологического барьера практическими средствами. Для этого нам потребуется заменить красный жирный шрифт синим обычным (психологами доказано, что выделение ошибки красным цветом стимулирует агрессию, а синий наоборот возвращает самообладание и уверенность). Потому, когда в следующий раз вы вооружитесь красным маркером, подумайте о том, с каким настроением автор примет исчерканный текст.

Еще один инструмент влияния на психику автора — вежливость. Ясное дело, что критик не для того поставлен критиком, чтоб петь нежную песню любви писателю и как можно тщательнее лстить авторскому самолюбию. Тем не менее, если использовать фразы типа «я понимаю, почему вы написали так...», «я сам порой делаю подобные ошибки...», «такие ошибки делают и известные писатели...», автор воспримет замечания куда как более выносливо, терпеливо и конструктивно. В то же время не стоит слишком сильно опекать сочинителя, так критик рискует прослыть льстецом и к тому же навредить писателю.

Третий инструмент — стандартная форма критической статьи. Преподаватели лингвистических

вузов все как один твердят: в любом даже самом не понравившемся тексте есть нечто положительное. Как минимум — личность автора, может — тема, возможно, отсутствие определенных ошибок. С этого и стоит начать. Пусть автор знает, что вы не собираетесь глумиться над его текстом и тем более над самим автором, — вы способны объективно определить плюсы произведения. А лучше два... Потом уже можно делать акцент на ошибках, неточностях и откровенных глупостях.

- ◇ Не забывайте, что стеб и подколки недопустимы. Никаких кривляний, перебиваний, глумлений, сарказма и шуток, которые автор мог бы не воспринять адекватно. Ваше дело мало: лояльно указать на минусы текста.
- ◇ Избегайте повелительного тона — в нашем случае слов подобной окраски и глаголов повелительного наклонения. Для того чтоб не скатиться в фамильярную бездну, не используйте обращения в статье — проще запомнить формулу: «автор пишет, что...», «у автора есть...», «текст автора изобилует...»
- ◇ Все замечания излагайте кратко, строго и понятно, без метафор, сравнений и прочей художественной мудрости — всяко современная критика уже потеряла литературно-художественный статус. Не стоит ждать, пока автор подготавливается морально к восприятию критики.
- ◇ Не говорите в общем, описывая круги несоизмеримого, необъятного и незаметного на первый взгляд, а порой и на второй. Все критические замечания и поправки должны быть четкими, частными и конкретными.
- ◇ Не объясняйте, отчего и почему автор не прав: если беседа завяжется и к вашим словам проявят интерес, можно будет продолжать дискуссию, рассказывая, разжевывая и поясняя. А для начала просто констатируйте факт.
- ◇ Не повторяйтесь. А лучше всего после на-

писания статьи несколько раз прочитайте ее и убедитесь в том, что вы не повторили ни словами, ни смыслом ничего из уже сказанного вами ранее.

- ◇ Пишите статью только и исключительно на основании своих впечатлений и знаний. Мнение других критиков или читателей на время написания статьи должны остаться вне доступа. Для большей уверенности можете приписать, что все это только ваше личное мнение, основанное на вашем личном опыте и знаниях.

В завершение — после того, как все конкретные ошибки будут вежливо выложены в статью, — вынимаем из-за пазухи второй плюс текста (тот самый, который лучше бы найти вместе с первым). Таким образом заключаем автора в объятия и текст его тоже — в объятия. Положительного в таком завершении много: автор улыбнется, не посчитает критику субъективной, а критика придирой и прочее... А в целом последний абзац статьи может быть общезнающим и к-плюсам-склонятельным (это если уж вы не задумали убить своей рецензией давно надоевшего писателя).

КРИТИКА

При написании критической статьи стоит одинаково раскрыть все аспекты и составляющие текста. Для этого можно вспомнить школьный урок литературы или просто подумать, из чего состоит произведение.

Первое, что бросается в глаза — а порой-таки в прямом смысле слова бросается — язык автора или **литературный язык**. Он может подходить или не подходить персонажам, выбранному жанру, миру, эпохе, стране; может содержать массу стилистических или грамматических ошибок; может изобиловать повторами, глаголами, местоимениями или другими «слишком». Здесь же оценивают мастерство написания диалогов и речи персонажей, а также описаний статичных и динамичных сцен, умение грамотно пользоваться литературными тропами и средствами художественной выразительности.

Второе — **сюжет**, его динамика, интерес, необходимая запутанность и интрига. Стоит проанализировать читательские ощущения на разных этапах чтения текста и все это потихонечку выложить автору. При этом помнить, что если автор обязан (в художественно-изобразительном смысле слова) описать озеро, то сцена никак не получится динамичной, а если рассказывает о погоне, то нелепо будет выглядеть вялое и безглагольное описание.

Третье, на что мы обратим внимание, это **об-**

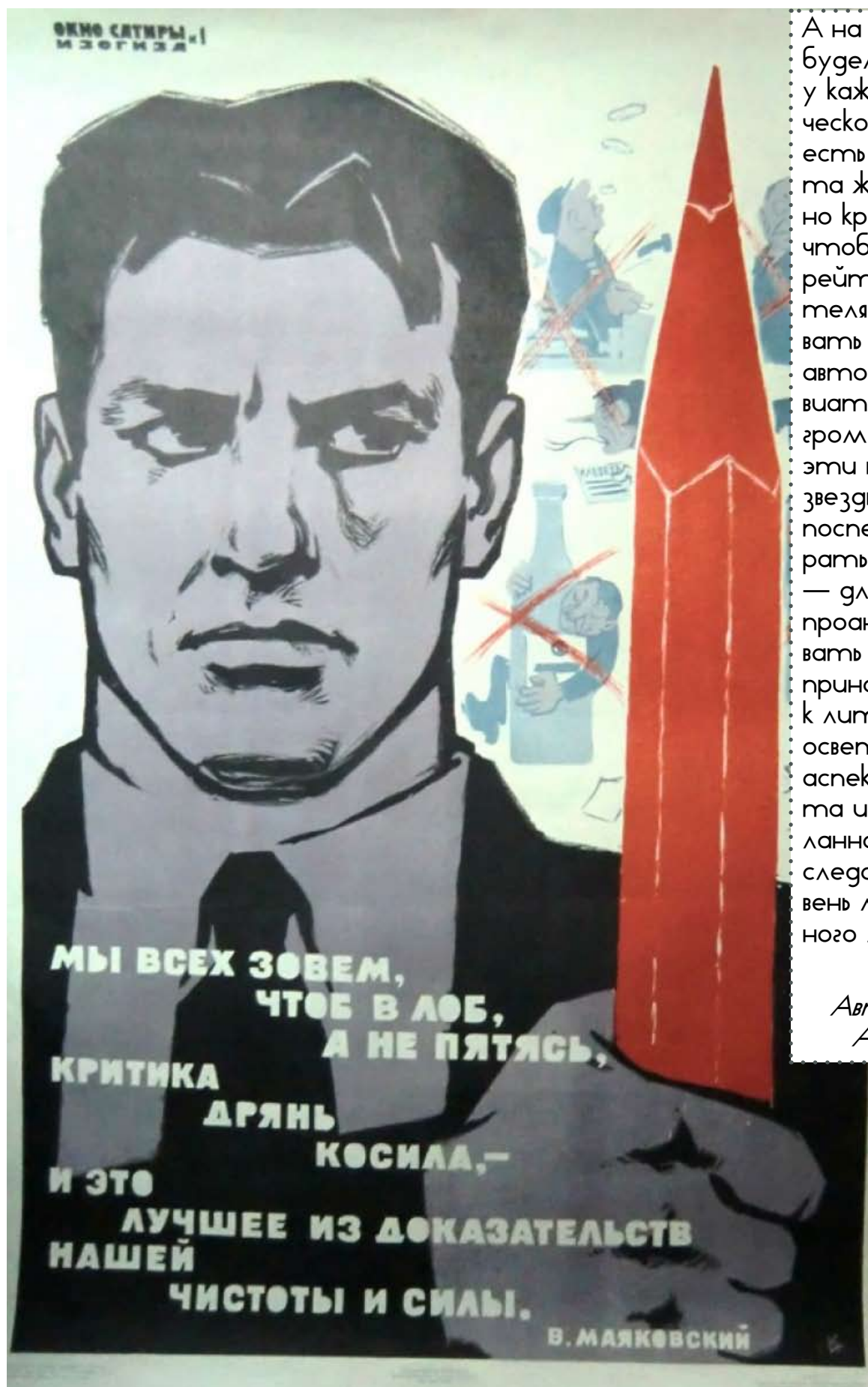
разы героев. Их разнообразие порой может запутать и ввести в транс, но критик остановится на каждом важном образе и сделает чуть ли не докторское заключение, только без рецепта. Оценит одежду и имена, поступки и характеры, целостность и частность каждого персонажа. Обязательно стоит поговорить о центральных героях и достаточном раскрытии второстепенных.

Четвертый пункт — **тематика и проблематика** текста. Не может быть, чтоб автор не затронул ни одной проблемы. Иначе произведение не будет ни интересным, ни законченным, ни каким еще. Проанализируйте поднятые вопросы, выскажите свое мнение и общественное об этом. Авторский текст прежде всего должен заставить думать. Добился ли этого автор? Получилось ли у него задать вопрос читательскому сознанию?

Пятое, о чем мы расскажем автору, — **композиция** текста. Сюда поместим анализ всех приемов, которые автор применил и мог бы применить: цикличность повествования, правильное разделение на главы или части и соответствующее их название, уместность описаний, вставных рассказов, лирических отступлений и авторских характеристик, полнота системы образов, раскрытие пейзажа, портрета и, если понадобится, даже натюрморта. Каждое произведение имеет неповторимую композицию — на этом по кирпичику строении и нужно заострить внимание.

Шестым пунктом проанализируем два почти расплывшихся и затерявшихся в современной литературе понятия: **жанровое своеобразие** и **художественные образы** произведения. К первому отнесем все признаки жанра(-ов), их уместность и адекватность восприятия читателем, а второе — это на ваш вкус. Здесь и о конкретике можно поговорить, и об общем видении текста — смысл один: если в тексте есть образы, есть апеллирование к фактам, опыту, истории, литературным, культурным, общественно-политическим феноменам — это хорошо. Сюда же можно приплести и авторский стиль: а вдруг есть в этом тексте что-то такое, с изюмом, точное, колкое и оригинальное?..

На закуску оставим идею или, по-литературоведчески, **идейное содержание** произведения. Автор может и сам не заметит, как органично свяжет сюжет, жанр и персонажей, а может, и будет кропотливо складывать пазлы текста, чтоб в оконцовке привести читателя к общему знаменателю — к ответу на вопрос: зачем, собственно, создавался этот текст? Если такого автор не продумал — опускаем пункт и не трогаем несчастного после такого разбора писателя.

А на десерт — будем помнить: у каждой критической статьи есть своя цель, та же идея. Можно критиковать, чтоб повысить рейтинг писателя и «нарисовать звездочку на авторской клавиатуре», можно громить, чтоб эти пресловутые звезды пришлось поспешно затирать, а можно — для того, чтоб проанализировать текст и его принадлежность к литературе, осветить все аспекты таланта или бесталанности и, как следствие, уровень литературного мастерства.

Автор статьи
Адриэл Ханна

07... 07... 07...

Сергей Гора

(Вступление... о цифрах —
написано 7-го июля 2007-го года)

«Ноль-семь» —

«ноль-семь» —

«ноль-семь», —

Денёчек

из шарад...

Рябит,

как карусель,

Над миром

счётчик дат. —

Христа предвечный круг

по сказке аватар,

Высвечивает вдруг

союз арабских пар...

Где лебедь —

словно конь...,

Где голубицей

тигр... —

То холод,

то огонь

На лицах

встречных

цифр.

Но что

ни говори —

Одна от чисел

тень:

Эх, «ноль» — «один» —

«два» — «три» —

«Четыре» — «пять» —

«шесть» — «семь»! ...

Как будто всплески

нот,

Бурлят веков

масла:

Мотор —

круговорот

Симфонии

Числа..

Свет счётчика

включён,

Чтоб было видно

всем,

Как время бьёт

ключом:

«Ноль-семь...» —

«ноль-семь...» —

«ноль-семь...»

Ноль — ровный, как покой...

Погладь его рукой.

Не сыщешь днём с огнём

Неровностей на нём...

Не зря вокруг нуля

Вращается Земля

Без боли, без потуг,

Ведь ноль похож на круг...

1

Вид единицы горд, —

Прям(,) из столицы лорд.

Ведь всё, чему почёт,

С неё ведёт отсчёт...

Прямой, на лицах, шрам —

Той единицы шарм, —

Но стой, — не падай ниц,

Под взглядом единицы...

2

Под кровом слова «два»

Не слово, но слова:

Материя и Дух —

Мистерия о Двух...

И если на войне, —

То тяжело вдвойне...

Когда же мы поём, —

То легче петь вдвоём...

3

Спадает мрак, где три —

Заглавный Знак Зари...

Мотив её лица —

Два прорванных кольца.

Душа, не тлей, — гори! —

На мир смелей смотри! —

Рискнёшь и, цепь прорвав,

Поймёшь, что цел и прав...

4 Четвёрки чётной стул
Сам чёрт перевернул...
Но людям не впервой —
Сидеть вниз головой...

Мол, на голову с ног
Не давит потолок.
Престиж сиденья — власть, —
Глядишь, не даст упасть...

5 С пятёркою трудней:
Пять горьких будних дней
В неделе — как хомут, —
Вставать с постели — труд...

Нависший долг — амбал,
Пятёрка — высший бал...
Мы, бродим, Бог, прости,
В работе до пяти...

6 Шесть — беззаботный
сон,
Субботный
расслабон.
Она висит замком
На входе в «дел.
дот.ком»...
Шесть — дум ленивый
шаг, —
Концертный бум —
аншлаг.
В шесть, выйдя
за порог,
Ты — зритель, —
не
игрок...

Шестёрка — враг шести:
Не путай знак и стиль:
Коль от шестёрки весть —
На шестерёнках — лесть.

Знак шесть даёт озон
Без рангов, врак и зон, —
Сочти пустою прыть:
Не стоит шестерить...

7 Семёрки нерв — в венце.
Где первой, где в конце,
Красна из дат горя:
Агат календаря...

Семь — о спасеньи слух:
Сей воскресенья дух.
К иному не зовёт
К Седьмому Небу взлёт.

8 А дальше — к счёту лень,
Как гири на ногах:
Восьмёрка — Тройки тень
В непрорванных кругах...

Девятка — та же шесть,
Когда замок упал.
За ней — раскладка — смесь
Из производных пар...

9 Шарада?.. сон?.. кино?.. —
Ответьте, мудрецы!
День с месяцем — одно, —
И с годом — близнецы...

Минор или мажор,
Весёлый стёб иль шифр
Небесный дирижёр
Назначил в соло цифр?

Аллегро сельвы чувств —
Уже почти набат, —
Как карусель лечу
За тайной чтимых дат...

«Ноль-Семь», «Ноль-Семь», «Ноль-Семь», —
Желаю Счастья всем
В адажио минут, —
Часы всё так же бьют...

Досье:

Родился в 1960 г. в Ленинграде.

Писал давно. Решил публиковаться, так как по мнению многих читателей, в том числе, редакторов крупных советских издательств, был одним из неангажированных ведущих русскоязычных поэтов.

Работает на правительство США в достаточно высоком академическом ранге, является одним из ведущих русскоязычных лингвистов. Впервые начал публиковаться в Индии в 80-х, а на сегодня публикаций у автора — в шести странах мира: только в прошлом году 16 раз в пяти странах.

Пишет в основном стихи, а также работы по прикладной лингвистике, а на вопрос о том, какого жанра боится, Сергей отвечает: «Никакого, ибо владею языком, — дай Бог каждому».

Из предпочтений в литературе называет литературу по древним Ведам, «Гражданин Поэт» Быкова, книги победителей Русского Букера и Наибесты, «Господин Гексоген» Проханова и книги Кузнецова-Туленина.

Сергей Гора

...Как встарь, смущённой,
 что небогата,
В очередной
 многогрешный раз
Ко мне приходит
 моя зарплата
Дородной в профиль,
 ...худой «в анфас».

Пье-р-р-одословная

Сергей Гора

Пёс, в людском воображеньи —
Незадача, — «се-ля-ви».
Но в моём происхожденьи
(Не теряйтесь в заблужденьи)
Есть загадочность любви.

Как же так могло случиться, —
Знать, попутал сатана, —
Моя бабушка, волчица,
Из лесных господ девица,
Вдруг влюбилась в ... кабана!

Дед был хахалем примерным:
В такт зазнобе верно выл, —
Но, случившись благоверным,
Дал отбой уставшим нервам,
Став свиньёй, каким и был...

Начал он в грязи валяться
Поутру и при луне.
И поэтому, признаться,
(Чтоб лгуном не показаться)
Эта страсть присуща мне:

Генетическая шалость:
О помёт тереть бока.
Всё ж от бабушки досталось,
Мне (прошу не счесть за малость)
Два воинственных клыка.

Серый я, точь-в-точь, как бабка, —
Мечу жертву сквозь окно.
Но, как дед, люблю я сладко,
Распластаться там, где травка
И гусиное дерьмо.

Суть генетики — загадка, —
Не проглотить в два глотка, —
Свинский нрав и волчья хватка
(Если близко с мясом латка)
Слиты в пёсьем Дэ-эН-Ка.

Юрий Корзинкин — человек-загадка. Он читатель и критик, причем очень добросовестный критик. Сегодня мы спрашивали о том, как он критикует поэзию.

На чем в первую очередь вы акцентируете внимание?

След. Остался в душе след от прочитанного или нет. Некоторые стихи читаешь и — в полном недоумении. А что собственно? Смысл, если он есть, зарыт за такими образами, что и не раскопаешь. А мне интересно читать тексты, которые будят фантазию, ненавязчиво заставляют представить всё, о чем хочет рассказать автор.

Насколько важны такие компоненты как ритм и рифма в стихе?

Певучесть... Ритмика и смысловая рифма. Я воспринимаю любой ритм (и его отсутствие), если он соответствует настроению произведения. В любом случае должно возникнуть желание перечитать, для собственного удовольствия. Меня скорее можно отнести к приверженцам классического стиля. Не понимаю и не принимаю рифмованные наборы слов, с претензией на какое-то новшество, понятное только автору и, возможно, некоторым знатокам. Такие строки не оставляют желания вернуться и перечитать.

На каком месте по значимости стоит смысл? Если стихотворение будет совсем без рифмы, но смысловое, вы похвалите его?

Я люблю смысл. Люблю, когда автор показывает историю. Когда начинаешь сопереживать и представлять описываемое, а не пытаться разгадать ребус, ответ на который остался в голове создателя шедевра. И если смысл заложен в строки, не содержащие ни единой рифмы, но при этом во время чтения возникает ощущение певучести и ритмичности, я захочу это перечитать.

Парадокс редакторствует

Анна Сумарокова

В одном городке, что расположился близ гор, очень было развито книгопечатание. До такой степени, что не осталось там ни пахарей, ни жнецов, ни пекарей — писали все да печатались. Губернатор, который по совместительству был еще и хозяином типографии, не уставал нахваливать свой город как самый читающий и самый пишущий. Ну а то, что кушать частенько нечего было, — так это не беда, главное — литературный голод жителям не грозил.

Но всем писать тоже неправильно, потому решил губернатор нанять себе редактора, чтоб глупость всякую от толковых произведений отделить. Вызвался на почетную должность дракон, которого за несоответствие прекрасной внешности со скверным характером прозвали Парадоксом. Давно он скучал у себя в горах, а тут такая удача — подходящая работа, как раз для злого дракона. Губернатор тоже не прогадал: мало того, что отбор проходит, так и недовольных нет — бездарей-то Парадокс кушал.

Первый месяц радовался губернатор, второй так и просто молился на редактора своего, а потом стал замечать, что авторов все меньше и меньше становится. Бездарей в городке не осталось, а те, что хорошо писали, сами куда-то исчезли. Не несли больше рукописи, не хотели печататься. Пошел тогда губернатор искать своих авторов. Сначала к самому известному пошел, тому, что пером владел, как бог.

Нашел его губернатор на поле потного, загорелого, в земле да навозе.

— Что же ты, любезный, тут делаешь? — спрашивает губернатор. — Отчего не пишешь, не сочинительствуешь? Зачем талант в землю зарываешь?

А тот встал, вытер пот трудовой с лица интеллигентного и отвечает:

— Зачем же мне писать? Чтоб с жизнью попрощаться? Да мало того, еще и услышать перед смертью, что бездарь я и графоман? Нет уж, я лучше хлеб растить буду.

Повздыхал губернатор да пошел дальше. Только все его авторы так же, как и этот, в земле копались, а про литературу и думать забыли. Ни на какие посулы не покупались.

Понял тогда горемыка, что Парадокс во всем виноват, пошел с ним поговорить да разобраться.

Твердо решил, что если не поймет дракон доводов, то уволить его стоит безжалостно.

А редактор чешуйчатый сидел у себя, грустил брюхом по сытым временам, и грусть эту услышать за два квартала можно было. Пришел губернатор к нему, содрогнулся от урчания пуза, но спросил сурово, с угрозой:

— Что же ты, друг огнедышащий, делаешь?! Ведь стараниями твоими нет у меня больше авторов. Слабых ты пожрал, а сильные и идти боятся. Не дело это.

— Я, — говорит Парадокс, — не виноват, что сплошные бездарь да графоманы вокруг. Что не умеют они ни образа лирического, ни

Досье:

Родилась 28 августа 1985 г. в Ленинграде

Писать начала по банальнейшей причине — прочла отвратную книжку, решила, что могу лучше. Быстро поняла, что все не так просто на самом деле, но уже, что называется, посела. На вопрос, чем занимаюсь по жизни,

все чаще отвечаю коротко — пишу. Это и работа — написание статей, и хобби — рассказы, повести. Вся жизнь из букв.

В печати пока еще ни одного своего художественного произведения не увидела.

Пишу преимущественно фэнтези. Оно меня больше всего привлекает. Простором для фантазии, возможностью придумывать совершенно невероятные вещи и события. «Боясь» любовного романа. Мне тяжело писать о таком тонком чувстве, как любовь.

Из современной литературы читаю все ту же фантастику. Пехов, Гаррисон, Олди, Дзяченко, Громыко... Можно долго продолжать. Обожаю «Петра Первого» Толстого, всего Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Агату Кристи, Конана Дойла, Кинга. «Хроники Сиалы» Пехова, «Цветок камалейника» Громыко. Далина «Слуги зла» «Берег Стикса». Макса Фрая «Большая телега»...

Пишу повесть «За блуждающей водой», которую буду пытаться издать. Попутно продумываю планы еще двух крупных произведений, их персонажей и миры.

сюжета трагического написать. А о фокале и слыхом не слыхивали. Только полуфабрикат массовый гонят. Как борец за эстетику и глубину мысли в литературе, не могу я стерпеть подобного.

— А я, — отвечает губернатор, — не могу стерпеть такого террора и саботажа! Вот возьму да и уволю тебя к драконовой бабушке.

Но дракон уже не слушал его, голубыми глазами оглядывая пышную фигуру градоправителя да толстенькие ножки с ручками. А потом прищурился и спросил:

— А ты сам-то ешь?

После такого вопроса сдуло губернатора неизвестным ветром, больше он с литературой дел никаких не имел, заботясь лишь о городских, сугубо хозяйственных делах.

Так и не стало в городке, что у гор раскинулся, литераторов. Зато про голод люди больше и не вспоминали — столько пахарей появилось.

А Парадокс, то ли от диеты такой однобокой, то ли еще почему, за мемуары принялся, чтоб литературный зуд унять. А чтоб от голода не опухнуть, в другой город подался — там как раз газету выпускать начали.

Колодец звёзд

Саша Тэмлейн

Небо было густо-индиговым, почти чёрным. Его усеяло невероятное множество звёзд — словно капельки жемчужного света. Пальмы были черными в сгустившейся темноте. Мрак был таким густым, что казался вязким — чернильная тьма внизу, и синесеребряное небо в вышине.

Луна висела низко над горизонтом, похожая на погнутую монету. Деревья шелестели и шептались о чём-то с ветром. А может — с таинственными лесными богами. Горы высились вокруг, словно сказочные великаны.

— Эй, Футаба... — Нацукэ протянул руку и коснулся груди лежащей на матрасе девушки. — Ты спишь?

— Нет, не сплю, — доносилось из темноты. — И,

чтобы убедиться в этом, необязательно щупать мой бюст.

Нацукэ поспешно отдернул руку, словно обжёгшись.

— Прости. Тут темно, хоть глаза выколи. Я не хотел.

Лёгкие тучки текли по небу, словно сиреневые привидения. Молчание тонуло в липкой темноте, становилось почти осязаемым.

— Футаба?

— Что?

— А она у тебя приятная...

— Кто?

— Грудь. Нежная, упругая, как зефиринки.

Возня в темноте.

— Нацукэ!

— Молчу, молчу. Футаба...

— Ну чего тебе?

— А ты любишь звёзды?

Девушка вздохнула и повернулась на бок.

— Люблю. Они похожи на светлячков, только неподвижные. Словно серебряные гвозди, вбитые в небо.

— Небо похоже на хрусталь, если вбить в него звёзды, оно расколется, — возразил парнишка.

— Зануда... А на что, по-твоему, похожи звёзды?

Нацукэ задумался.

— Звёзды... Они, как драгоценности, рассыпанные на чёрном покрывале. Красненькие, синие, жёлтые... Но больше всего белых. Алмазы... А ещё — они похожи на фонари, что висят далеко-далеко. Иногда подмигивают, так забавно.

— Нацукэ?

— Чего?

— Как ты думаешь, нас найдут?

Мальчишка вздохнул.

— Разбитый флайер, затерявшийся в джунглях. На целый остров заброшенной планетёнки. Псевдодендроны отлично спрятали место аварии. А завтра его уже затянет местной флорой. Сверху ничего не видно... Рация не работает, и ракетниц уже не осталось.

Он замолчал, слушая ветер, о чём-то шепчущийся в суставчатых псевдопальмах.

— Конечно же, нас найдут.

Он протянул руку через тьму, и легонько коснулся пальцами её лица.

— Не переживай, Футаба.

— А и не переживаю.

Они молчали. Ветер стих, и тишина молчала вместе с ними.

— А знаешь, — сказала девочка. — Я тут подумала, на что ещё похожи звёзды.

— На что же?

— Папа мне рассказывал... Индейцы Анд — это в Южной Америке — верят, что звёзды — это души людей. Когда люди устают жить, они уходят на небо, и там отдыхают, как звёзды. Перед тем, как вернуться опять.

Она немного помолчала.

— Здесь так темно, внизу... А сверху так светло. Смотри — вон то облако — Крабовая Туманность. Она намного лучше видна с Римбольда, чем с Земли. Небо такое чистое... Словно вода. Мне кажется, если раскинуть руки, то можно упасть — прямо туда. В чистое-чистое небо, утонуть, взлететь, окунуться. Кто сказал, что внизу — это низ, аверху — это верх? Быть может, это просто колодец, в кото-

рый мы можем окунуться.

— Футаба, у тебя жар... Наверно, костюм порвался при падении, и проникли чужеродные микроорганизмы...

— Да. Я знаю. Руку не убирай... Она такая холодная...

— У меня озноб. Быть может, лекарства?..

В угольной темноте девочка покачала головой.

— Костюм уже сделал автоматическую инъекцию, но — не помогает. Тебе, наверно, тоже?

— Слишком много микробов, антибиотики широкого спектра не действуют против всех...

— Хватит, Нацукэ... Лучшее дай мне вторую руку. Или... Обними меня. Мы будем хорошими звёздами, там, в вышине, ведь правда?

— Самыми яркими, Футаба.

— Отец расстроится. Если сможет выйти из наркотической комы.

— А обо мне не вспомнит никто. Ты не жалеешь, что мы украли скутер?

— Нисколько. Мы всё-таки сбежали ОТГУДА. Оттуда, где мы не могли жить. Нашли дорогу в ДРУГОЙ мир. Наш мир, свободный и желанный. Ты боишься?

— Нет.

— И я. Сожми мои пальцы, Нацукэ. Вот так... Они такие прохладные у тебя. Я рада, что падаю в небо с тобой. А ты?

— И я.

Девочка вздохнула.

— Да будет так. А теперь, молчи — в небо падают молча.

И дикие аборигенные вьюнки оплели их мягким ковром. Ковром, в котором не было ни холодно, и не жарко. И падать в небо было легко. Так легко...

Родился в Минске, в 1981 году.

Научный сотрудник отдела биотехнологии РУП «Институт плодородства», в Беларуси. В Школе форума издательства Эксмо проводил занятия, посвящённые совершенствованию литературных навыков.

Творчество всегда увлекало. Первые рассказы (сохранившиеся до сих пор), написаны примерно в пять лет. Всерьёз автор пишет примерно с 2001 года. Публикуется на электронных ресурсах примерно с 2005 года. Пробует себя преимущественно в жанрах НФ (научной фантастики), приключенческого, философского и юмористического фэнтези, альтернативной истории, детской сказки, постмодерна. Нелюбимых жанров нет.

Два рассказа автора были опубликованы в интернет-журнале «Магия ПК», два — приняты к публикации в журнале «Фантастикон», сборник рассказов «Пикантные сказки на ночь» и «Фривольные сказки» принят к публикации в издательстве «Аэлита».

Творческие планы на будущее? Стать «русскоязычным Асприном», а заодно занять ту нишу в космоопере, которую ныне занимает С. Лукьяненко. Быть может, так же написать несколько серьёзных романов «за жбзнь».

Поэт о критике

Марина Цветаева

I. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ КРИТИКОМ...

Первая обязанность стихотворного критика — не писать самому плохих стихов. По крайней мере — не печатать.

Как я могу верить голосу, предположим N, не видящего посредственности собственных стихов? Первая добродетель критика — зрячесть. Этот, не только раз — пишет, а раз печатает — слеп! Но можно быть слепым на свое и зрячим на чужое. Бывали примеры. Хотя бы посредственная лирика громадно-

Цветаева М.И. Избранные сочинения: в 2-х тт. 2 автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. - М.: «Литература»; СПб: «Кристалл», 1999.

«Souvienne vous de celui a qui comme on demandoit a quoi faire il se peinoit si fort en un art qui ne pouvait venir a la cognoissance de guere des gens, — «J'en ay assez de peu», repondit-il. «J'en au assez d'un. J'en ay assez de pas un» Montaigne.

*** Критика абсолютный слух на будущее. М.Ц.***

«Вспомните того человека, которого спросили, зачем он так усердствует в своем искусстве, которое никто не может понять. «С меня довольно немногих, — ответил он — С меня довольно одного. С меня довольно и ни одного» (Монтень).

го критика Сент-Бева. Но, во-первых, Сент-Бев писать перестал, то есть поступил по отношению к себе, поэту, именно как большой критик: оценив, осудил. Во-вторых, даже — пиши он дальше, Сент-Бев, слабого поэта, покрывает Сент-Бев, большой критик, вождь и пророк целого поколения. Стихи — слабость большого человека, не больше. В порядке слабости и в порядке исключения. Большому — чего не простишь!

Но вернемся к достоверностям. Сент-Бев, за плечами которого большое творческое деяние, стихи писать перестал, то есть — поэт в себе отверг. N, за которым никакого деяния нет, не перестает, то есть на себе, как на поэте, упорствует. Сильный, имевший право на слабость, это право презрел. Слабый, этого права не имевший, на нем провалился.

— Судья, казни себя сам!

Приговор над собой, поэтом, громадного критика Сент-Бева — мне порукой, что он плохого во мне не назовет хорошим (помимо авторитета — оценки сходятся: что ему — плохо, то мне). Суд Сент-Бева, критика, над Сент-Бевом, поэтом — дальнейшая непогрешимость и неподсудность критика.

Поощрение же посредственным критиком N посредственного поэта в себе — мне порукой, что он хорошее во мне назовет и плохим (помимо недоверия к голосу — оценки не сходятся: если это хорошо, то мое, конечно, плохо). Ставь мне в пример Пушкина — я, пожалуй, промолчу и, конечно, задумаюсь. Но не ставь мне в пример? — не захочу, а рассмеюсь! (Что

стихи стихотворного, умудренного всеми чужими ошибками, критика, как не образцы? Не погрешности же? Каждый, кто печатает, сим объявляет: хорошо. Критик, печатающий, сим объявляет: образцово. Посему: единственный поэт, не заслуживающий снисхождения — критик, как единственный подсудимый, не заслуживающий снисхождения — судья. Сужу только судей.)

Самообольщение N-поэта — утвержденная погрешимость и подсудность N-критика. Не осудив себя, стал подсудным, и нас, подсудимых, обратил в судей. Просто плохого поэта N я судить не буду. На это есть критика. Но судью N, повинного в том, в чем винит меня — судить буду. Провинившийся судья! Спешный пересмотр всех дел!

Итак: когда налицо, большого деяния и большого, за ним, человека, не имеется, следовательно — в порядке правила: плохие стихи стихотворному критику непростительны. Плохой критик — но, может быть, стихи хорошие? Нет, и стихи плохие. (? — критик.) Плохие стихи — но, может быть, критика хорошая? Нет, и критика плохая. N-поэт подрывает доверие к

N-критику, и N-критик подрывает доверие к N-поэту. С какого конца ни подойди...

Подтверждаю живым примером. Г. Адамович, обвиняя меня в пренебрежении школьным синтаксисом, в том же отзыве, несколько строк до или спустя, прибегает к следующему обороту:

«...сухим, дерзко-срывающимся голосом».

Первое, что я почувствовала — невязка! Срывающийся голос есть нечто нечаянное, а не нарочное. Дерзость же — акт воли. Соединительное тире между «дерзко» и «срывающимся» превращает слово «дерзко» в определение к «срывающимся», то есть вызывает вопрос: как именно срывающимся? не: от чего срывающимся?

Может ли голос сорваться дерзко? Нет. От дерзости, да. Заменяю «дерзко» — «нагло» и повторю опыт. Ответ тот же: от наглости — да, нагло — нет. Потому что и нагло и дерзко-умышленное, активное, а срывающийся голос — нечаянное, пассивное. (Срывающийся голос. Падающее сердце. Пример один.) Выходит, что я нарочно, по дерзости, сорвала голос. Вывод: отсутствие школьного синтаксиса и более серьезное отсутствие логики. Импрес-

сионизм, корни которого, кстати, понимаю отлично, хотя подобным и не грешу. Г. Адамовичу хотелось дать сразу впечатление и дерзости и сорвавшегося голоса, ускорить и усилить впечатление. Не подумав, схватился за тире. Злоупотребил тире. Теперь, чтобы довести урок до конца:

Гневно-срывающимся, да. Явно-срывающимся, да. Гневно, явно, томно, заметно, злобно [«Злостно» уже не годится, ибо в «злостно» уже умысел (примеч. М. Цветаевой).], нервно, жалко, смешно... Годится все, что не содержит в себе преднамеренности, активности, все, что не спорит с пассивностью срывающегося голоса.

Дерзким, срывающимся — да, срывающимся до дерзости — да, дерзко-срывающимся — нет.

Врачу, исцелися сам!

Ряд волшебных изменений
Милого лица...

Не вправе судить поэта тот, кто не читал каждой его строки. Творчество — преемственность и постепенность. Я в 1915 г. объясняю себя в 1925 г. Хронология — ключ к пониманию.

— Почему у Вас такие разные стихи? — Потому что годы разные.

Невежественный читатель за манеру принимает вещь, несравненно простейшую и сложнейшую — время. Ждать от поэта одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое, что ждать ?? ?его же в 1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. — «Почему Вы за 10 лет так изменились?» Этого, за явностью, не спросит никто. Не спросит, а удостоверит, и, удостоверив, сам добавит: «Время прошло». Точно так же и со стихами. Параллель настолько полна, что продлю ее. Время, как известно, не красит, разве что в детстве. И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет: «Как вы похорошели». Тридцати лет я стала очерченной, значительней, своеобразней, — прекрасней, может быть. Красивей — нет. То же, что с чертами — со стихами.

Стихи от времени не хорошеют. Свежесть, непосредственность, доступность, *beauté du diable* [Дьявольская красота (фр.).] поэтического лица уступают место — чертам. «Вы раньше лучше писали» — то, что я так часто слышу! — значит только, что читатель *beauté du diable* мою предпочитают — сущности. Красивость — прекрасности.

Красивость — внешнее мерило, прекрасность — внутреннее. Красивая женщина — прекрасная жен-

щина, красивый ландшафт — прекрасная музыка. С той разницей, что ландшафт может кроме красивого быть и прекрасным (усиление, возведение внешнего до внутреннего), музыка же, кроме прекрасной, красивой быть не может (ослабление, низведение внутреннего до внешнего). Мало того, чуть явление выходит из области видимого и вещественного, к нему уже «красивое» неприменимо. Красивый ландшафт Леонардо, например. Так не скажешь.

«Красивая музыка», «красивые стихи» — мерило музыкальной и поэтической безграмотности. Дурное просторечие.

Итак, хронология — ключ к пониманию. Два примера: суд и любовь. Каждый следовательно и каждый любящий от данного часа идет назад, к истоку, к первому дню. Следовательно-путь по обратному следу. Отдельного поступка нет, есть связь их: первый и все последующие. Данный час — итог всех предшествующих и исток всех будущих. Человек, не читавший меня всю от «Вечернего Альбома» (детство) до «Крысолова» (текущий день), не имеет права суда.

Критик: следовательно и любящий.

Не доверяю также критикам — не то критикам, не то поэтам. Не удалось, сорвалось, уйти из этого мира не хочется, но пребывание ущемленное, не умудренное, а соблазненное собственным (неудачным) опытом. Раз я не смог — никто не может, раз нет вдохновения для меня — нет вдохновения вообще. (Было бы у меня первого бы.) «Я знаю, как это делается...» Ты знаешь, как это делается, но ты не знаешь, как это выходит. Следовательно, ты все-таки не знаешь, как это делается. Поэзия — ремесло, тайна — техника, от большей или меньшей степени *Fingerfertigkeit* (проворства рук) успех. Отсюда вывод: дара нет. (Был бы ? меня первого бы!) Из таких неудачников обыкновенно выходят критики — теоретически поэтической техники, критики-техники, на лучший конец — тщательные. Но техника, ставшая самоцелью, сама и самый худой конец.

Некто, от невозможности быть пианистом (растяжение жилы), сделался композитором, от невозможности меньшего — большим. Восхитительное исключение из грустного правила: от невозможности большого (быть творцом) — делаться меньшим («попутчиком»).

То же самое, как если бы человек, отчаявшись найти золото Рейна, заявил бы, что никакого золота в Рейне нет, и занялся бы алхимией. Взять то-то и то-то и получится золото. Да где ж твое что, раз знаешь — как? Алхимик, где ж твое золото?

Художник Сергей Корсун

Мы золото Рейна ищем и мы в него верим. И в конце концов — отличие от алхимиков — мы его найдем [Нарочно беру гадательное золото Рейна, в которое верят только поэты. (Rheingold. Dichtergold — Золото Рейна. Золото поэта (нем.)). Возьми я золото Перу, пример вышел бы убедительней. Так, он честней (примеч. М. Цветаевой).].

Тупость так же разнородна и многообразна, как ум, и в ней, как в нем, все обратные. И узнаешь ее, как и ум, по тону.

Так, например, на утверждение: «никакого вдохновения,

одно ремесло» («формальный метод», то есть видоизмененная базаровщина), — мгновенный отклик из того же лагеря (тупости): «никакого ремесла, одно вдохновение» («чистая поэзия», «искорка Божия», «настоящая музыка», — все общие места обывательщины). И поэт ничуть не предпочтет первого утверждения второму и второго — первому. Заведомая ложь на чужом языке.

II. НЕ СМЕЕТ БЫТЬ КРИТИКОМ...

...не должно
сметь

Свое сужде-
ние иметь.

Господа, справедливости, а нет — хоть здравого смысла! Для того, чтобы иметь суждение о вещи, надо в этой вещи жить и ее любить.

Возьмем грубейший, то есть наинагляднейший пример. Вы покупаете себе пару сапог. Что вы о них знаете? Что они вам подходят — или не подходят, нравятся — или не нравятся. Что еще? Что они куплены в таком-то, предположим, лучшем, магазине. — Отношение свое к ним и фирму. (Фирма, в данном случае, имя автора.) И больше ничего. Можете ли вы судить о их прочности? Носкости? Качественности их? Нет. Почему? Потому что вы не сапожник и не кожевник.

Судить о качественности, сущности, о всем, что не видимость вещи, может только в этой области живущий и работающий. Отношение — ваше, оценка вам не принадлежит.

То же, господа, и точно то же — с искусством. Вот вам мой стих. Он вам нравится или не нравится, доходит или не доходит, «красив» (для вас) или не красив. Но хорош он, как стих, или плох, могут сказать только знаток, любящий и... мастер. Судя о мире, в котором вы не живете, вы просто совершаете превышение прав.

Почему я, поэт, говоря с банкиром или с поли-

тиком, не даю ему советов — даже post factum, после банковского или государственного краха. Потому что я ни банка, ни государства не знаю и не люблю. Говоря с банкиром или с политиком я, в лучшем случае, спрашиваю — «Почему Вы в таком-то случае поступили так-то?» Спрашиваю, то есть желаю услышать и, по возможности, усвоить суждение о вещи, мне незнакомой. Не имея суждения и не смея иметь его, хочу услышать чужое. — Поучаюсь. —

Виктория Швейцер, биограф: «Едва научившись читать, она набросилась на книги и принялась читать всё без разбору: книги, которые давала ей мать и которые брать не разрешала, книги, которые должен был читать, но не читал — не любил — старший Андрияша, книги, стоявшие в запретном для Марины <...> шкафу сестры Лёры...» И позднее, учась в гимназии, она, по воспоминаниям, в частности одноклассницы Татьяны Астаповой, «неизменно читала или что-то писала на уроках, явно безразличная к тому, что происходит в классе; только изредка вдруг приподнимет голову, заслышав что-то стоящее внимания, иногда сделает какое-нибудь замечание и снова погрузится в чтение».

Почему, в свою очередь, вы, банкиры и политики, говоря с сапожником, не даете ему советов? Потому что каждый сапожник, в лицо вам или себе в кулак, рассмеется: «Не ваше, барин, дело». И будет прав.

Почему же вы, те же банкиры и политики, говоря со мной, поэтом, даете мне советы: «Пишите так-то» и: «не пишите — так» и почему — самое изумительное — я, поэт, никогда еще, ни разу никому из вас, как тот предполагаемый сапожник, не рассмеялась в лицо: «Не ваше, барин, дело».

Есть в этом тонкий оттенок. Сапожник, рассмеявшись, не боится оскорбить — дело «барина» ведь выше. Он смехом только указывает на несоответствие. А поэт, рассмеявшись, оскорбит неминуемо — «поэт» обывательски ведь выше «банкира». Наш смех, в данном случае, не только указание другому места, но указание места — низшего. «Небо», указующее «земле». Так думает, так делит обыватель. И этим, сам не зная, лишает нас нашей последней защиты. Ничего оскорби-

тельного — не понимать в сапогах, полное оскорбление — не понимать в стихах. Наша самооборона — оскорбление другого. И много, много должно воды утечь, обиды набежать, прежде чем поэт, переборов ложный стыд, решится сказать в лицо адвокату — политику — банкиру: «Ты мне не судья».

Дело не в выше и не в ниже, дело только в твоём невежестве в моей области, как в моем — в твоей. Ведь те же слова я скажу — уже говорю — и живописцу, и скульптору, и музыканту. Оттого ли что считаю их ниже? Нет. И тебя не считаю ниже. Мои слова и тебе, банкиру, и самому Игорю Стравинскому, если не понимает стихов, все те же: «Ты мне не судья».

Потому что — каждому свое.

Все вышесказанное мгновенно отпадает при наличии одного: перешагнуть через порог профессии. Так, больше чем к критикам и поэтам прислушивалась к словам покойного Ф. Ф. Кокошкина, любившего и понимавшего стихи во всяком случае не меньше меня. (Общественный деятель.) Так, больше критиков и поэтов ценю слово А. А. Подгаецкого-Чаброва (человек театра).

Чтите и любите мое, как свое. Тогда вы мне судьи.

Вернемся к сапогам и стихам. Какие сапоги плохи? Те, что развалятся (сапожник). Те, что развалились (покупатель). Какое произведение искусства плохо? То, что не уцелеет (критик). То, что не уцелело (публика). Ни сапожнику, ни критику — мастерам своего дела — проверка не нужна. Знают наперед. Покупателю же, пары ли сапог, томика ли стихов, нужна давность с вещью, проверка временем. Вся разница в длительности этой проверки. Плохой са-

В Совет Литфонда
 прошу признать меня на работу в качестве
 судюшкой в открывающемся столовце Литфонда
 М. Цветаева
 26го августа 1941 г.

пог познается через месяц, для плохого произведения искусства, зачастую, нужен век. Либо «плохое» (непонятное, не нашедшее пророка) окажется прекрасным, либо «прекрасное» (не нашедшее судьи) окажется плохим. Здесь мы уже сталкиваемся с качеством матерьяла сапогов и стихов и всеми его последствиями, с учтимость материи и неучтимость духа. Каждый средний сапожник, при первом взгляде на сапог, скажет: хорош или не хорош. Ему на это не нужно чутья. Критику же, чтобы определить сейчас, хороша или нет вещь раз навсегда, нужно, кроме всех данных знания, чутье, дар провидца. Матерьял башмака — кожа — учтим и кончен. Матерьял произведения искусства (не звук, не слово, не камень, не холст, а — дух) неучтим и бескончен. Нет башмаков раз навсегда. Каждая пропавшая строчка Сафо — раз навсегда. Поэтому (учтимость матерьяла) сапоги у сапожника в лучших руках, чем стихи в руках у критика. Нет непонятых сапог, а сколько непонятых стихов!

Но и сапог и стих уже при создании носят в себе абсолютное суждение о себе, то есть с самого начала — доброкачественны или

недоброкачественны. Доброе же качество у обоих одно — неснашиваемость.

Совпасть с этим внутренним судом вещи над собою, опередить, в слухе, современников на сто, а то и на триста лет — вот задача критика, выполняемая только при наличии дара.

Кто, в критике, не провидец — ремесленник. С правом труда, но без права суда.

Критик: увидеть за триста лет и за тридевять земель.

Все вышесказанное отношу и к читателю. Критик: абсолютный читатель, взявшийся за перо.

(Пропущены главы III, IV, V. Ссылка на полную версию в конце публикации)

VI. РАЗНО-ВИДНОСТИ КРИТИКОВ

Обратимся к критику-профессионалу. Здесь различаемы три особи.

Первый — частый — критик-constateur (удостоверитель), критик-выжидатель, удостоверяющий вещь лишь по свершении ее, критик с десятилетней давно-

стью. Если истинный критик — пророк, то этот — пророк-назад. Критик-post factum, частый и честный, это вся честная (ибо есть и другая) читательская толща. Америк не открывает, в ребенке мастера не узнает, на небезжавшую лошадь (новичка) не ставит, от текущей современности воздерживается и грубо не промахивается.

Культурный читатель.

Но есть другой читатель — некультурный. Читатель — масса, читатель — понаслышке, с такой давностью post factum, что Надсона в 1925 г. считает современником, а 60-летнего Бальмонта — подающим надежды юнцом. Отличительная черта такого читателя — неразборчивость, отсутствие Orientierungssinn [Способности ориентироваться (нем.)]. Так, говоря «модернизм», мешая в одну кашу и Бальмонта, и Вертинского, и Пастернака, не отличая ни постепенности, ни ценности, ни места, созданного и занимаемого поэтом, и покрывая все это непонятным для себя словом «декаденты». (Я бы «декадент» вела от декады, десятилетия. У каждого десятилетия — свои «декаденты»! Впрочем, тогда было бы «декадисты» или «декадцы».) Такой читатель все, что позже Надсона, называет декадентством, и всему, что позже Надсона, противопоставляет Пушкина. Почему не Надсону — Пушкина? Потому что Надсона знает и любит. А почему Пушкина? Потому, очевидно, что Пушкину на Тверском бульваре поставлен памятник. Ибо, утверждаю, Пушкина он не знает. Читатель понаслышке и здесь верен себе.

Но — хрестоматии, колы, экзамены, бюсты, маски, «Дуэль Пушкина» в витринах и «Смерть Пушкина» на афишах, Пушкинский кипарис в Гурзуфе и Пушкинское «Михайловское» (где собственно?), партия Германа и партия Ленского (обыватель Пушкина действительно знает с голосу!), однотомный Пушкин-Сытин с Пушкиным-ребенком — подперев скулу — и 500 рисунками в тексте (метод наглядного обучения поэзии. Стихи — воочию. Обыватель Пушкина действительно знает — с виду!) — не забыть, в гостиную (а то и в столовой!) — Репина — волочающуюся по снегу полу шинели! — вся это почтенная, изобилующая юбилеями, давность, — Тверской бульвар, наконец, с лже-пушкинским двусишием:

«И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрая я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен.

[Несмытый и несмыаемый позор. Вот с чего должны были начать большевики! С чем покончить! Но лже-строки красуются. Ложь царя, ставшая ныне ложью народа (примеч. М. Цветаевой).]

По наслышке (тенора и баритона), по нагляд-

ке (уже упомянутое издание Сытина), по либретто и по хрестоматиям — и по либретто больше, чем по хрестоматиям! — вот знакомство русского обывателя с Пушкиным. И вот, против всего и вся — Пушкин и русский язык.

— Что вы любите у Пушкина? — Все. — Ну, а больше всего? — Евгения Онегина. — А из лирики? — Пауза. — Иногда — хрестоматическая реминисценция: «Зима. Крестьянин торжествует». Иногда — ассоциация по смежности — «Парус».

(Обыватель перед памятником Гёте: «Wer kennt Dich nicht, o grosser Goethe! Fest gemauert in den Erden!...» [«Кто же не знает тебя, о великий Гёте! Замурованного в землю» (нем.).] Шиллер. Колокол.)

Из прозы, непреложно, «Капитанская дочка». Пушкинского Пугачева не читал никогда.

В общем, для такого читателя Пушкин нечто вроде постоянного юбиляра, только и делавшего, что умиравшего (дуэль, смерть, последние слова царю, прощание с женой и пр.).

Такому читателю имя — чернь. О нем говорил и его ненавидел Пушкин, произнося «Поэт и чернь». Чернь, мрак, темные силы, подтачиватели тронов несравненно ценнейших царских. Такой читатель — враг, и грех его — хула на Духа Свята.

В чем же этот грех? Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию, в намеренной слепости и в злостной предвзятости. В злой воле к добру. К читателю-черни я отношу всех впервые услышавших о Гумилеве в день его расстрела и ныне беззастенчиво провозглашающих его крупнейшим поэтом современности. К ним я отношу всех, ненавидящих Маяковского за принадлежность к партии коммунистов (даже не знаю, партийный ли. Анархист — знаю), к имени Пастернака прибавляющих: сын художника? о Бальмонте знающих, что он пьянствует, а о Блоке, что «перешел к большевикам». (Изумительная осведомленность в личной жизни поэтов! Бальмонт пьет, многоженствует и блаженствует, Есенин тоже пьет, женится на старухе, потом на внучке старика, затем вешается. Белый расходится с женой (Асей) и тоже пьет, Ахматова влюбляется в Блока, расходится с Гумилевым и выходит замуж за — целый ряд вариантов. (Блоковско-Ахматовской идиллии, кстати, не оспариваю, — читателю видней!) Блок не живет со своей женой, а Маяковский живет с чужой. Вячеслав — то-то. Сологуб — то-то. А такой-то — знаете?)

Так, не осилив и заглавия — хоть сейчас в биографы!

Такой читатель не только не читит — он не читает. И, не читая, не только относится — судит. К нему и только к нему слово его Пушкина:

«И не оспаривай глупца!»

Не оспаривать, а выбрасывать за дверь при первом суждении.

Есть и критик-чернь. С легкой поправкой в степени безграмотности, о критике-черни то те, что и о читателе-черни.

Критик-чернь — тот же читатель-чернь, но — мало — не читающий! — пишущий.

О двух типах критиков, являющих современность. О первом — дилетанте — в эмиграции, о втором — справочнике — в Советской России.

Кто в эмиграции не пишет критики? «Дать отзыв», «написать рецензию». (Дать отзыв, как будто бы — отозваться? Увы! Дают отзыв, зачастую, вовсе безотзывные, дают то, чего не дано, ничего не дают.) Пишут адвокаты, молодые люди без профессий, немолодые — профессий посторонних, пишут все, пишет публика. Так, на вопрос: кто

в эмиграции пишет критику? ответ: да кто ее не пишет?

Отцвела статья, цветет заметка. Отцвела цитата, цветет голословие. Читаю, предположим, о никогда не читанном мною, совсем новом авторе: фигляр. Что порукой? Имя в конце столбца. Но я его никогда не слышала! Или слышала — в другой области. Где же оправдательный материал к фигляру или пророку — цитата? Ее нет. Должна верить на слово.

Критик-дилетант — накипь на поверхности сомнительного котла (публики). Что в нем варится? Темная вода. Темна и накипь.

Все вышесказанное — о критике безымянной, не выдвинувшей, пока, ни одного имени. («Имя» — не протекция, а дар.) Не много радости и от критики именной, бывает даже — именитой.

Прискорбная статья академика Бунина «Россия и Инония», с хулой на Блока и на Есенина и явно подтасованными цитатами (лучше никак, чем так!), долженствующими явить безбожие и хулиганство всей современной поэзии. (Забыл Бунин свою «Деревню», восхитительную, но переполнен-

«Марина Цветаева»
Художник Таня Стрельбицкая

ную и пакостями и сквернословием.) Розовая вода, журчащая вдоль всех статей Айхенвальда. Деланное недоумение З. Гиппиус, большого поэта, перед синтаксисом поэта не меньшего — Б. Пастернака (не отсутствие доброй воли, а наличие злой). К статьям уже непристойным, отношу статьи А. Яблоновского о Ремизове, А. Яблоновского о моей «Германии» и А. Черного о Ремизове.

[«Ремизов и эмигрантская критика». Статья, которая еще будет написана. Не мной — так другим. Не сейчас — так через сто лет (примеч. М. Цветаевой)

Примечание
Редакции «Благона-

меренного»:

Мнения о писателях не заказаны. Но если признать тон статьи А. А. Яблоновского о Ремизове не исключительным по своему цинизму, то где и в чем наше отличие от проводников марксистской идеологии?]

Не сомневаюсь, что перечислила не все.

Резкое и радостное исключение — суждение о поэтах не по политическому признаку (отсюда — тьма!) — Кн. Д. Святополк-Мирский. Из журналов — весь библиографический отдел «Воли России» и «Своими Путиями».

Об одном

частном случае, для меня загадочном. Критик (наиболее читаемый, любимый и признанный) говорит о чехо-словацком сборнике «Ковчег».

«...Лучше отметим наиболее интересные страницы сборника. К сожалению, для этого надо пройти мимо «Поэмы конца» М. Ц. — поэмы, которой, по крайней мере, пишущий эти строки, просто не понял; думается однако, что и всякий другой будет ее не столько читать, сколько разгадывать, и даже если он окажется счастливее и догадливее нас, то свое счастье он купит ценою больших умственных усилий».

Первое, что меня поразило в этом отзыве — кротость. Критик не судит, он только относится. «Я не понял», что это, — суждение? Признание. В чем? В собственной несостоятельности. «Непонятно» — одно, «я не понял» — другое. Прочел и не одобрил — одно. Прочел и не понял — другое. В ответ на первое: почему? В ответ на второе: неужели? Первое — критик. Второе — голос из публики. Некто прочел и не понял, но допускает возможность ? случае другого читателя — большей догадливости и большего счастья. Правда, это счастье будет куплено ценою «больших умственных усилий...» Показательная оговорка. Потрудишься — добудешь, по мне — не стоит. В этом уже не кротость, а, если не злая воля, то явное отсутствие воли доброй. Так может сказать читатель, так не должен говорить критик. Поскольку: «не понимаю» — отказ от прав, поскольку «и не пытаюсь понять» — отказ от обязанностей. Первое — кротость, второе — косность. Натякаясь на известную трудность, критик просто минует вещь. «Не столько читать, сколько разгадывать...» А что есть чтение — как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, за пределом слов. (Не говоря уже о «трудностях» синтаксиса!) Чтение — прежде всего — сотворчество. Если читатель лишен воображения, ни одна книга не устоит. Воображения и доброй воли к вещи.

Мне зачастую приходилось слышать такие отзывы от работников в других искусствах: — «Трудно. Хочется отдохнуть, а тут доискивайся, вдумывайся...» Отдохнуть от чего? От труда в своем искусстве. Стало быть, труд в своем искусстве ты признаешь. Ты только не хочешь того же — в моем. Что ж, может быть по-своему и прав. Делай свое, а я буду делать свое. В таких случаях, кстати, всегда сражала реплика: «А если я у Вас, серьезного музыканта, в ответ на сонату — трудна! — попрошу вальса, вы что скажете? Я ведь тоже устала от своей работы и тоже хочу отдохнуть». (Чистейшая педагогика!)

Человек понимал и, если не читал моих стихов, то по крайней мере чтит мой труд и не просил от меня «легкой музыки».

Но это музыкант, работник в звуке. Что же сказать о критике, работнике в том же слове, который, не желая затраты умственных усилий, предпочитает понимать другим? О человеке слова у меня, человека слова, просящем «легких стихов».

Формула есть — и давняя. Под ней, со спокойной совестью, может подписаться данный:

Тебе поэзия любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Лимонада, именно лимонада, хочет от меня (и вообще от поэзии) данный критик. В подтверждение своих слов приведу еще один оборот, уже о другом писателе: «...если бы такой-то делал то-то и то-то, «он бы и сам не оказался усталым, и своего читателя бы не утомил, а напротив порадовал бы его кое-где красивыми переплесками слова» (курсив М. Цветаевой).

Радовать читателя красивыми переплесками слова не есть цель творчества. Моя цель, когда я сажусь за вещь, не есть радовать никого, ни себя, ни другого, а дать вещь возможно совершеннее. Радость — потом, по свершению. Полководец, открывая бой, не думает ни о лаврах, ни о розах, ни о толпах, — только о бое, и меньше о победе, чем о той или иной позиции, которую нужно взять. Радость потом — и большая. Но и большая усталость. Эту усталость свою, по завершении вещи, я чту. Значит было что перебороть и вещь далась не даром. Значит — стоило давать бой. Ту же усталость чту и в читателе. Устал от моей вещи — значит хорошо читал и — хорошее читал. Усталость читателя — усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь и читателю и мне.

К эмигрантскому критику-любителю (этот — не любитель) мы еще вернемся на разительном образце. Обратимся теперь к другому типу критика, утвердившемуся в Сов<етской> России и, естественно, обратному эмигрантскому — критику-справочнику. Такого критика я бы назвала певцом дурного избранничества.

Когда в ответ на мое данное, где форма, путем черновиков, преодолена, устранена, я слышу: десять а, восемнадцать о, ассонансы (профессиональных терминов не знаю), я думаю о том, что все мои черновые — даром, то есть опять всплыли, то есть созданное опять разрушено. Вскрытие, но вскрытие не трупа, а живого. Убийство.

«Г-же Ц., чтобы достичь такого-то эффекта,

пришлось сделать то-то и то-то...» Во-первых: как часто — мимо! Во-вторых: кому это нужно — «пришлось», когда это сделано? Читателю? Как внимательный и любознательный читатель ответу: нет. Писателю? Но раз я это сделала и, предположим, сделала хорошо, зачем мне из чужих уст то, что я знаю из собственного опыта труда? В лучшем случае — повторение, подтверждение. Проверка задачи, которая бесспорно решена. То есть — проформа. Молодым поэтам, может быть? Рецепт для получения известных эффектов? Но назовите мне хотя бы одного крупного поэта, писавшего по чужим (всегда единоличным!) рецептам. (Не единоличных, в творчестве, нет.) Кроме того — «что русскому здорово, то немцу — смерть». Теория у поэта — всегда *post factum*, вывод из собственного опыта труда, обратный путь по следу. Я это сделал. Как я это сделал? И вот, путем тщательнейшей проверки черновиков, подсчета гласных и согласных, изучения ударений (повторяю, с этим делом не знакома) поэт получает известный вывод, над которым потом и работает и который и преподносит в виде той или иной теории. Но, повторяю, основа каждой новой теории

— собственный опыт. Теория, в данном случае, является проверкой, разумом слуха, просто — осознанием слуха. Теория, как бесплатное приложение к практике. Может ли таковая послужить другим? Может, как проверка. Слуховой путь (того же Белого), подтвержденный уже готовым выводом Белого. Отпадает только труд осознания. Все остальное — то же. Короче: писать по-белому — а не по Белому. Писать по-белому, и, если нужно (?) подтверждать Белым. Но это все, что я могу сказать одобрительного о школах стихосложения и методе формального разбора в применении к газетному рынку. Либо труд ученого — и для ученых (теория стиха), либо живое слово — о живом — к живому (критика).

Критик-справочник, рассматривающий вещь с точки зрения формальной, минующий что и только выдающий как, критик, в поэме не выдающий ни героя, ни автора (вместо создано — «сделано») и отыгрывающийся словом «техника» — явление если не вредное, то бесполезное. Ибо: большим поэтам готовые формулы поэтики не нужны, а не больших — нам не нужно. Больше скажу: плодить маленьких поэтов грех и вред. Плодить чи-

54

стых ремесленников поэзии — плодить глухих музыкантов. Провозгласив поэзию ремеслом, вы втягиваете в нее круги, для нее не созданные, всех тех кому, кому не дано. «Раз ремесло — почему не я?» Читатель становится писателем, а настоящий читатель, одолеваемый бесчисленными именами и направлениями (чем меньше ценность, тем ярче вывеска), отчаявшись, совсем перестает читать.

Поэтические школы (знак века!) — вульгаризация поэзии, а формальную критику я бы сравнила с «Советами молодым хозяйкам». Советы молодым хозяйкам — Советы молодым поэтам. Искусство — кухня. Только бы уменье! Но, для полной параллели, и там и здесь жестокий закон неравенства. Равно тому как неимущий не может вбить в ведро сливок двенадцати дюжин желтков, залив все это четвертной ямайского рома, так и неимущий в поэзии не может выколдовать из себя неимеющегося у него матерьяла — дара. Остаются пустые жесты над пустыми кастрюлями.

Единственный справочник: собственный слух и, если уж очень нужно (?) — теория словесности Саводника:

драма, трагедия, поэма, сатира, пр.

Единственный учитель: собственный труд.

И единственный судья: будущее.

VII. АВТОР И ВЕЩЬ

Часто, читая какую-нибудь рецензию о себе и узнавая из нее, что «формальная задача разрешена прекрасно», я задумываюсь: а была ли у меня «формальная задача». Г-жа Ц. захотела дать народную сказку, введя в нее элементы те-то и те-то, и т. д.

Я (ударение на я) этого хотела? Нет. Этого я хотела? Нет, да нет же. Я прочла у Афанасьева сказку «Упырь» и задумалась, почему Маруся, боявшаяся упыря, так упорно не сознавалась в его виденном, зная, что назвать — спастись. Почему вместо да — нет? Страх? Но ведь от страха не только забиваются в постель — и в окно выбрасываются. Нет, не страх. Пусть — и страх, но еще что-то. Страх и что? Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я того-то не делаю, значит я не очень хочу свободы, значит мне несвобода — дороже. А что такое дорогая несвобода между людьми?

Любовь. Маруся упыря любила, и потому не называла, и теряла, раз за разом, мать — брата — жизнь. Страсть и преступление, страсть и жертва...

Вот — моя задача, когда я бралась за «Мулодца». Вскрыть суть сказки, данной в костяке. Расколдовать вещь. А совсем не создать «новую форму» или «народную форму». Вещь написана, я над ней работала, я слушала каждое слово (не взвешивала — выслушивала!), что работа в этой вещи есть — свидетельством 1) ее, для читателя, незаметность; 2) черновики. Но все это уже — ход вещи, осуществление ее, а не замысел.

Как я, поэт, т. е. человек сути вещей, могу обольститься формой? Обольщусь сутью, форма сама придет. И приходит. И не сомневаюсь, что будет приходить. Форма, требуемая данной сутью, подслушиваемая мною слог за слогом. Отолью форму, потом заполню... Да это же не гипсовый слепок! Нет, обольщусь сутью, потом воплощу. Вот поэт. И воплощу (здесь уже вопрос формы) возможно насущнее. Суть и есть форма, — ребенок не может родиться иным! Постепенное выявление черт — вот рост человека и рост творческого произведения. Поэтому, подходить «формально», т. е. рассказывать мне (и зачастую весьма неправильно) мои же черновики — нелепость. Раз есть беловик — черновик (форма) уже преодолен.

Чем рассказывать мне, что в данной вещи хотела дать — я, лучше покажи мне, что сумел от нее взять — ты.

Народ, в сказке, истолковал сон стихии, поэт, в поэме, истолковал сон народа, критик (в новой поэме!) истолковал сон поэта.

Критик: последняя инстанция в толковании снов. Предпоследняя.

VIII. ЧЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КРИТИК

Бог путей и перекрестков, двуликий бог, смотрящий назад и вперед.

Критик: Сивилла над колыбелью:

Старик Державин нас отметил
И в гроб сходя благословил.

Париж, январь 1926

.....
Полную версию текста вы можете получить, перейдя по ссылке: [Поэт о критиках](#)

Дорогие авторы!

Если вы хотите опубликовать свое творение в литературном журнале «Авторский стиль», присылайте его на адрес autorstyle@gmail.com. Не забудьте указать свои ФИО и псевдоним, email для связи, жанр рассказа и приложить аннотацию (синописис). Без синописиса рассказы не рассматриваются. К публикации принимается проза объемом до 30 тыс. знаков и поэзия до 40 строк. Также у вас есть возможность стать автором редакционных материалов. Если вы публицист, пишите на адрес adrielhanna@gmail.com

К сожалению, на данный момент редколлегия не имеет возможности рецензировать все полученные тексты. О принятии рукописи сообщает редактор.

Наши партнеры:

Авторский стиль

чаепитие с литературным гидом
выпуск №3, март-апрель 2012 г.

В следующем выпуске
«Авторского стиля» читайте
о литературных журналах и
публикациях в периодике

